

УКУСИ МЕНЯ

жажѸа

БЕСТСЕЛЛЕР NEW YORK TIMES

ТРЕЙСИ ВУЛЬФ

Жажда

Трейси Вульф

Жажда

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Вульф Т.

Жажда / Т. Вульф — «Эксмо», 2020 — (Жажда)

ISBN 978-5-04-116446-1

Мой мир изменился, когда я прибыла в элитную школу Кэтмир, скрытую ото всех среди снегов Аляски. Вот она я, простая девушка, месяц назад трагически потерявшая родителей. Кэтмир – это враждебное место, полное древних тайн, и теперь это мой дом. Новеньких здесь не любят. Особенно агрессивно ведет себя Джексон Вега, глава загадочного Ордена и самый популярный парень школы. Но что-то тянет меня к нему, что-то необъяснимое. Может, он поможет мне понять, как жить дальше, или... погубит?

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-116446-1

© Вульф Т., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	7
Глава 3	12
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	32
Глава 7	36
Глава 8	41
Глава 9	45
Глава 10	52
Глава 11	55
Глава 12	58
Глава 13	62
Глава 14	66
Глава 15	69
Глава 16	74
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Трейси Вульф

Жажда

*Моим мальчикам, которые всегда верили в меня, и Стефани,
которая помогла мне поверить в себя снова*

CRAVE

Tracy Wolff

Copyright © 2020 by Tracy Deebs. All rights reserved, including the right to reproduce, distribute, or transmit in any form or by any means. For information regarding subsidiary rights, please contact the Publisher.

© Татищева Е., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава 1

Если ты не ходишь по краю, ты занимаешь слишком много места

Я стою на краю летного поля, глядя на самолетик, на который собираюсь сесть, и изо всех сил стараюсь не психовать.

Легко сказать.

И дело не только в том, что я вот-вот оставлю позади все, что знаю, хотя еще две минуты назад именно это и тревожило меня больше всего. Но теперь, когда я гляжу на этот самолет, который, вполне возможно, даже недостоин называться самолетом, моя паника выходит на новый уровень.

– Итак, Грейс. – Мужчина, которого прислал за мной мой дядя Финн, смотрит на меня сверху вниз со снисходительной улыбкой на лице. Кажется, он сказал, что его зовут Филип, но я не совсем в этом уверена. Мне трудно было расслышать то, что он говорил, из-за гулкого биения моего сердца. – Ты готова пережить приключение?

Нет, нет, я совершенно не готова – ни к приключению, ни вообще к чему бы то ни было из того, что ждет меня впереди.

Если бы месяц назад вы сказали мне, что я буду стоять в аэропорту Фербенкса, Аляска, я бы ответила, что вас информировали неверно. А скажи вы мне, что в Фербенкс я прилечу только затем, чтобы сесть на самый что ни на есть крохотный «кукурузник» и полететь на край света, – а точнее, в маленький городок на склоне Денали, самой высокой горы в Северной Америке, – я бы сказала, что вы обкурились дури.

Но за тридцать дней многое может измениться. И еще больше у тебя могут отнять.

В эти последние несколько недель я точно знала только одно – как бы плохо ни обстояли дела, они всегда могут стать еще хуже.

Глава 2

Приземлиться – это значит просто опуститься на землю, надеясь, что ты не промахнешься мимо полосы

– Вон он, – говорит Филип, пролетев над несколькими горными вершинами и одной рукой, поднятой со штурвала, показывая на горстку зданий, виднеющихся вдалеке. – Хили, Аляска. Дом, милый дом.

– Надо же. Он такой... – Крошечный, хочется сказать мне. Он и правда совсем крошечный. Намного, намного меньше даже моего района в Сан-Диего, не говоря уже обо всем городе.

Впрочем, отсюда много не разглядишь. И не из-за гор, громады которых возвышаются над округой, словно давно забытые чудовища, а из-за странной мглы – Филип называет ее «гражданскими сумерками», хотя сейчас еще нет и пяти часов. Но я все равно могу разглядеть, что так называемый город, на который он показывает рукой, полон разномастных зданий, выстроенных вразнобой.

– Интересно, – говорю я наконец. – Он смотрится... интересно.

Это отнюдь не первое, что пришло мне в голову, поначалу я подумала, что этот городок напоминает замерзший ад, – но это самая вежливая из возможных формулировок. Филип начинает снижаться, готовясь к еще одному ужасному эпизоду, очередному в серии ужасных эпизодов, которые преследуют меня с тех самых пор, как десять часов назад я села на первый из трех самолетов.

И действительно, я только сейчас замечаю то, что в этом городишке с населением в тысячу человек считается аэропортом (спасибо тебе, Гугл), и тут Филип говорит:

– Держись, Грейс. Взлетная полоса здесь короткая, потому что длинную было бы слишком долго и трудно очищать от снега и льда. Так что посадка будет быстрой.

Я понятия не имею, что значит «посадка будет быстрой», но, по-моему, ничего хорошего это не сулит. А посему я хватаюсь за металлический стержень на двери кабины, который наверняка предназначен именно для таких целей, и крепко держусь за него, пока мы спускаемся все ниже и ниже.

– Ну, девочка, была не была, – говорит мне Филип. Это определенно совсем не то, что пассажирам хочется услышать от пилота, когда самолет еще находится в воздухе.

Приближается земля, белая и жесткая, и я зажмуриваю глаза.

Несколько секунд спустя я чувствую, что шасси самолета касается земли. Филип бьет по тормозам, и меня так резко бросает вперед, что от удара головой о приборную доску меня спасает только ремень безопасности. Самолет воет; не знаю, какая из его частей производит этот ужасающий звук, – быть может, этот вой, предвещающий наш близкий конец, издает он весь. А потому я стараюсь не сосредоточиваться на этой жути.

Особенно когда нас начинает заносить влево.

Я закусываю губу и жмурюсь, а мое сердце колотится так бешено, что, кажется, вот-вот вырвется из груди. Если это и вправду конец, мне ни к чему за ним наблюдать.

Эта мысль несколько отвлекает меня, и я гадаю, что чувствовали перед смертью мои мать и отец, а когда заставляю себя выкинуть из головы и это, наш маленький самолет, трясаясь и вибрируя, начинает катиться все медленнее и наконец замирает на месте.

Я знаю, каково это – ждать конца, и сейчас меня трясет так, что дрожат даже пальцы на ногах.

Я медленно разлепляю глаза, борясь с позывом ощупать себя, дабы убедиться, что все части моего тела на месте. Но Филип только смеется и заключает:

– Хрестоматийный образец посадки.

Возможно, эта его хрестоматия являет собой роман ужасов. Или же он читал ее задом наперед.

Однако вслух я не говорю ничего. Просто улыбаюсь ему самой лучезарной моей улыбкой и достаю рюкзак, весь полет простоявший у меня в ногах. Вынимаю из него перчатки, которые мне прислал дядя Финн, и надеваю их. Затем открываю дверь кабины и спрыгиваю на летное поле, молясь, чтобы у меня не подогнулись ноги.

Они подгибаются, но только чуть-чуть.

Подождав несколько секунд, чтобы удостовериться, что у меня не случится нервный срыв, – и чтобы плотнее запахнуться в мою новенькую куртку, поскольку здесь всего восемь градусов¹, – я иду к хвосту самолета, чтобы выгрузить оттуда три чемодана, вмещающих в себя то, что еще осталось от моей жизни.

При взгляде на них меня пронзает душевная боль, но я не даю себе заикнуться ни на том, что мне пришлось оставить, ни на мысли о том, что в доме, где я выросла, теперь живут чужаки. Ведь стоит ли думать о покинутом доме и оставленных в нем принадлежностях для занятий живописью и наборе ударных инструментов, если я потеряла намного, намного больше?

И я просто хватаю один тяжелый чемодан из крошечного багажного отсека и опускаю его на землю. Прежде чем я успеваю потянуться за вторым, Филип выгружает оба остальных чемодана с такой легкостью, будто в них лежат подушки, а не все достояние, оставшееся у меня в этом мире.

– Поторопись, Грейс. Идем, пока ты не посинела от холода. – Он показывает кивком в сторону парковки – это даже не здание, а всего-навсего открытая стоянка для машин, которая находится от нас ярдах в двухстах, и мне хочется застонать. Здесь так холодно, что теперь меня трясет, но уже по другой причине. Как же можно жить в такой холодине? Это кажется мне чем-то нереальным, особенно если учесть, что, когда я проснулась сегодня утром, на градуснике было семьдесят градусов².

Мне остается только молча кивнуть, что я и делаю. Затем хватаю чемодан и качу его к маленькой залитой бетоном площадке, которая, судя по всему, служит Хили аэропортом. Как же это не похоже на многолюдные терминалы воздушной гавани Сан-Диего.

Филип с легкостью догоняет меня, неся в каждой руке по большому чемодану. Я хочу сказать ему, что он может просто-напросто вытянуть из них ручки и катить их на колесиках, но, как только моя нога ступает с взлетной полосы на белеющий вокруг нее снег, до меня доходит, почему он их несет – катить тяжелый чемодан по снегу практически невозможно.

Несмотря на мою теплую куртку и перчатки на синтетическом меху, я чувствую, что уже почти совсем заледенела, когда до парковки (к счастью, очищенной от снега) остается идти еще полпути. Что делать теперь, как добираться до школы-пансиона, в которой мой дядя работает директором, я не знаю и потому поворачиваюсь к Филипу, чтобы спросить, есть ли здесь такси «Убер». Но не успеваю я произнести хоть слово, как кто-то выходит из-за одного из стоящих на парковке пикапов и напрямик бросается ко мне.

Наверное, это моя двоюродная сестра Мэйси, думаю я, но так это или не так, сказать нельзя, поскольку вся она с головы до пят упакована в теплые зимние одежды.

– Наконец-то ты здесь! – говорит груда, состоящая из шапки, шарфа, куртки и зимнего полукомбинезона, и я вижу, что не ошиблась – это и впрямь Мэйси.

– Да, здесь, – сухо отвечаю я, гадая, не поздно ли отказаться от проживания с дядей Финном здесь, в Хили. Ведь любая жизнь в Сан-Диего наверняка лучше, чем прозябание в городке, аэропорт которого состоит из одной-единственной взлетной полосы и открытой парковки. Получив мое текстовое сообщение, Хезер просто умрет.

¹ 8 градусов по Фаренгейту = – 13 градусов по Цельсию. – *Здесь и далее примеч. пер.*

² 70 градусов по Фаренгейту – около 21 градуса по Цельсию.

– Наконец-то! – повторяет Мэйси, обняв меня. Это у нее получается немного неуклюже, отчасти из-за ее зимней экипировки, отчасти из-за того, что, несмотря на разницу в возрасте – в свои семнадцать лет я на год старше нее, – она возвышается надо мной на целых восемь дюймов. – Я жду тебя уже больше часа.

Я обнимаю ее в ответ, но быстро отпускаю, сказав:

– Извини, мой самолет из Сиэтла опоздал. Не мог вылететь из-за грозы.

– Да, мы много чего слышали о тамошней погоде, – скорчив гримасу, отвечает Мэйси. – Уверена, что там она еще хуже, чем у нас.

Мне хочется возразить – многие мили снега и такое немыслимое количество теплой одежды, что это, пожалуй, будет почище скафандров, которые надевают астронавты для выхода в открытый космос, кажутся мне чем-то совершенно жутким. Но, хотя мы с Мэйси и приходимся друг другу двоюродными сестрами, я не очень-то хорошо ее знаю, и мне совсем не хочется ненароком обидеть ее. Если не считать дяди Финна, а теперь еще и Филипа, она единственный человек в этом городке, который мне знаком.

Не говоря уже о том, что они с дядей Финном – это все, что осталось от моей семьи.

А потому я просто молча пожимаю плечами.

Должно быть, это хороший ответ, поскольку Мэйси улыбается, затем поворачивается к Филипу, который по-прежнему держит в руках мои чемоданы:

– Огромное спасибо за то, что вы привезли ее к нам, дядя Филип. Папа говорит, что должен вам за это ящик пива.

– Не за что, Мэйс. Ведь у меня в Фербенксе все равно было несколько дел. – Он бросает это так небрежно, словно пролететь на самолете двести миль туда и двести обратно – это сущие пустяки. Впрочем, возможно, в здешних краях, где нет ничего, кроме снега и гор, так оно и есть. Ведь, если верить Википедии, в Хили и из него ведет только одна настоящая дорога, к тому же зимой иногда бывает закрыта и она.

Весь последний месяц я провела, пытаясь представить себе, каково это – жить здесь.

И теперь я это узнаю.

– Он говорит, что пиво будет у него в пятницу, так что вы сможете посмотреть игру по телевизору, как и полагается двум лучшим друзьям. – Она поворачивается ко мне: – Отец очень расстроился из-за того, что ему не удалось съездить за тобой самому, Грейс. В школе возникла нештатная ситуация, справиться с которой мог только он. Но папа велел мне позвать его, как только я привезу тебя домой.

– Пустяки, – говорю я. Что еще я могу сказать? Если я что-то и поняла за месяц, прошедший со дня гибели моих родителей, то это то, как мало значит большая часть вещей, составляющих твою жизнь.

Не все ли равно, кто подвезет меня, если в конце концов я все-таки окажусь в школе?

Не все ли равно, где я буду жить, если рядом не будет моих матери и отца?

Филип доходит до края расчищенной парковки и наконец ставит мои чемоданы на землю. Прощаясь, Мэйси быстро обнимает его, а я жму ему руку.

– Спасибо, что доставили меня в Хили.

– Обращайся. Если тебе понадобится куда-то полететь, я к твоим услугам. – Он подмигивает мне и, повернувшись, идет обратно к взлетной полосе, чтобы заняться своим самолетом.

Мы пару секунд смотрим ему вслед, затем Мэйси хватается за выдвижные ручки двух чемоданов и начинает катить их к другому краю крошечной парковки. Она дает мне знак сделать то же самое с третьим моим чемоданом, и я так и поступаю, хотя сейчас мне больше всего хочется побежать за Филипом, снова забраться в его самолетик и попросить доставить меня обратно в Фербенкс. А еще лучше домой, в Сан-Диего.

Это желание становится еще острее, когда Мэйси говорит:

– Ты не хочешь по-маленькому? Отсюда до школы ехать добрых полтора часа.

Полтора часа? Как это может быть, если через весь город, похоже, можно проехать за пятнадцать, самое большее, за двадцать минут? Правда, когда мы подлетели к нему, я не увидела в нем ни одного здания, достаточно большого для того, чтобы в нем могли разместиться четыре сотни подростков, так что, возможно, школа-пансион находится вовсе не в Хили.

Я невольно начинаю думать о бесконечных реках и горах, окружающих этот городок со всех сторон, и гадать, где же я окажусь до того, как закончится сегодняшний день. А также о том, где именно я могла бы тут сходить по-маленькому.

– Нет, не хочу, – отвечаю я по прошествии минуты, хотя от нервов у меня крутит живот.

Я добиралась сюда целый день, и мне худо уже от одного этого, но, пока мы катим мои чемоданы сквозь стужающиеся сумерки и морозный воздух, все очень быстро становится вообще каким-то сюрсом. Особенно когда Мэйси, пересекши парковку, доходит до снегохода, стоящего на самой кромке бетонной мостовой.

Поначалу я думаю, что это какая-то шутка, но тут она начинает грузить мои чемоданы на прицепные сани, и до меня доходит, что все это происходит на самом деле. Если приложению на моем смартфоне можно верить, я действительно сейчас поеду в сумерках на снегоходе по Аляске, причем в сильный мороз.

Не хватает только одного – злой ведьмы, которая, как в книге про страну Оз, будет смеяться, полагая, что она погубила и меня, и моего песика. Впрочем, теперь это, наверное, было бы уже излишним.

Я в оцепенении смотрю, как Мэйси пристегивает мои чемоданы к саням. Наверное, мне следовало бы ей помочь, но я понятия не имею, как это вообще можно сделать. И поскольку мне совсем не хочется, чтобы остатки моих пожитков оказались разбросаны по склону горы, я решаю, что лучше предоставить их транспортировку той, кто знает, как этого избежать.

– Вот, это наверняка тебе пригодится, – говорит моя кузина, открыв небольшую сумку, которая была уже приторочена к саням. Порывшись в ней, она достает зимний полукомбинезон и толстый шерстяной шарф. И то и другое окрашено в ярко-розовый цвет, который в детстве был моим любимым, но теперь нравится мне куда меньше. Судя по всему, Мэйси запомнила, что прежде я любила ярко-розовое, и я чувствую себя тронутой, когда она протягивает мне полукомбинезон и шарф.

– Спасибо, – говорю я и стараюсь выдавить из себя подобие улыбки.

После нескольких попыток мне наконец удается натянуть полукомбинезон поверх термобелья и флисовых пижамных штанов со смайликами (у меня есть только такие), которые я надела в Сиэтле по настоянию моего дяди. Затем смотрю на то, каким образом похожий на радугу шарф Мэйси обмотан вокруг ее шеи и лица и делаю то же самое с моим.

Это сложно, ведь мне нужно намотать его так, чтобы он не съехал с моего носа, едва только я пошевелюсь.

В конце концов я справляюсь, и тут Мэйси протягивает мне один из двух шлемов, которые были надеты на ручки руля снегохода.

– Это изотермический шлем, в нем тепло, а кроме того, он защитит твою голову в случае аварии, – объясняет она. – К тому же он будет предохранять твои глаза от холодного воздуха.

– У меня могут замерзнуть глаза? – спрашиваю я, беря у нее шлем и начиная психовать при мысли о том, как тяжело мне будет дышать теперь, когда я замотала шарфом нос.

– Нет, глаза не мерзнут, – отвечает Мэйси, не в силах удержаться от смеха. – Но благодаря щитку шлема они не будут слезиться и тебе станет комфортнее.

– А, ну да. – Я опускаю голову, чувствуя жар в щеках. – Я просто идиотка.

– Вовсе нет. – Мэйси обвивает рукой мои плечи и крепко прижимает меня к себе. – Аляска – это тебе не шутки. Приезжие осваиваются здесь не сразу. Но скоро ты привыкнешь.

Я на это даже не надеюсь – не могу представить себе, что эти холодные чужие места когда-нибудь покажутся мне привычными, но вслух ничего не говорю. Ведь Мэйси уже столько всего сделала, чтобы я почувствовала, что здесь мой дом.

– Мне так жаль, что тебе пришлось приехать сюда, Грейс, – продолжает она. – То есть я, конечно, рада тебя видеть, просто я сожалею, что... – Она осекается, не закончив фразы, но сейчас я уже к этому привыкла. После того как мои друзья и учителя целый месяц обходили эту тему, я поняла, что никто не хочет вслух говорить о том, что мои родители погибли.

Но я слишком устала, чтобы что-то уточнять, и вместо этого просто надеваю на голову шлем и застегиваю его, как мне показала Мэйси.

– Готова? – спрашивает она после того, как шлем закрывает от холода и ветра мои голову и лицо.

Я отвечаю так же, как ответила, когда Филип задал мне этот вопрос в Фербенксе:

– Да. Вполне.

Я жду, когда Мэйси оседлает снегоход, и сажусь позади нее.

– Держись за мою талию! – кричит она, заведя мотор, и я держусь. Несколько секунд – и мы уже мчимся сквозь сумрак, заволакивающий все, что находится впереди.

Никогда в жизни мне еще не было так страшно.

Глава 3

Если ты живешь в башне, это еще не значит, что ты принц

Поездка оказывается совсем не такой ужасной, как я думала.

То есть приятной ее не назовешь, но дело тут скорее в том, что я нахожусь в пути уже целый день и мне просто хочется наконец очутиться в таком месте, где можно задержаться на большее время, чем требуется для пересадки с одного рейса на другой. Даже если это место – всего-навсего сиденье снегохода, на котором мне надо проделать долгий и длинный путь.

А если бы это место оказалось к тому же еще и теплым и откуда-то издалека до меня не доносился бы вой здешних диких зверей, то я бы вообще тащиась от восторга. Но сейчас все мое тело ниже талии полностью онемело.

Я пытаюсь понять, как можно вернуть чувствительность моему задку, когда мы внезапно резко сворачиваем с тропы (да, да, это именно тропа, причем в самом широком смысле этого слова) на нечто вроде плато, расположенное на склоне горы. И только когда мы проезжаем по очередной роще, я наконец вижу, что впереди горят огни.

– Это и есть частная школа Кэтмир? – кричу я.

– Ага. – Мэйси немного снижает скорость, объезжая деревья так, будто наша поездка – это слалом-гигант. – Мы будем на месте минут через пять.

Слава богу. Если бы мне пришлось ехать дольше в такой мороз, я бы, наверное, напрочь отморозила несколько пальцев ног, несмотря на мои двойные шерстяные носки. Конечно, все знают, что на Аляске холодно, но могу сказать, что холод тут вообще несусветный, к тому же я была к нему не готова.

Вдалеке опять слышится вой, но теперь, когда мы выехали из леса на открытое место, все мое внимание приковывает к себе не он, а огромное здание, приближающееся с каждой секундой.

Вернее, не просто здание, а целый замок, поскольку это явно не похоже на современный архитектурный стиль. И совершенно не похоже ни на одну из когда-либо виденных мною школ. До того как отправиться в путь, я пыталась погуглить частную среднюю школу Кэтмир, но, судя по всему, она настолько элитарная, что сведения о ней так и не просочились в Гугл.

Во-первых, она чертовски велика... и занимает чертовски много места. Отсюда кажется, что возведенная перед этим замком кирпичная стена охватывает половину горы.

Во-вторых, она чертовски красива – о подобной архитектуре мне доводилось слышать только на занятиях по искусству. У нее стрельчатые арки, изящные контрфорсы, затейливо украшенные окна.

А в-третьих, когда мы подъезжаем ближе, я начинаю гадать, обман ли это зрения или же я правда вижу горгулий, самых настоящих горгулий, высеченных в верхней части стен. Я понимаю, что это всего лишь мое разыгравшееся воображение, но я бы погрешила против истины, если бы сказала, что мне не пришла в голову мысль о том, что, когда мы наконец прибудем в Кэтмир, там нас будет ждать Квазимодо.

Мэйси останавливается перед громадными воротами и набирает код. Несколько секунд спустя ворота распахиваются и мы едем дальше.

Чем ближе мы подъезжаем к зданию школы, тем более сюрным кажется мне все вокруг. Как будто я попала в фильм ужасов или в картину Сальвадора Дали. Частная школа Кэт-мир выглядит как замок из готического романа, но вокруг нее все-таки нету рва, а вход не охраняет огнедышащий дракон. Перед нами тянется всего-навсего длинная извилистая подъездная дорога, похожая на подъездную дорогу любой закрытой частной школы из тех, что я видела по

телевизору – если не считать того, что эту дорогу покрывает снег. Правда, теперь это меня уже не удивляет. В конце дороги виднеются грандиозные и чрезвычайно нарядные двери.

Старинные, антикварные двери замка.

Я трясую головой, чтобы прочистить ее. Ну, в самом деле, что теперь вообще представляет из себя моя жизнь?

– Как я тебе и говорила, в поездке сюда нет абсолютно ничего страшного, – произносит Мэйси, остановив снегоход, полозья которого вздымают облако снежной пыли. – Мы не увидели даже американского северного оленя, не говоря уже о волках.

Она права, так что я просто киваю и пытаюсь сделать вид, будто не потрясена.

Будто у меня не сжимается сердце, а мой мир не перевернулся вверх тормашками – во второй раз за месяц.

Будто со мной все путем.

– Давай отнесем твои чемоданы к тебе в комнату и распакуем их. Это поможет тебе успокоиться и снять напряжение.

Мэйси слезает со снегохода, затем снимает шлем и шапку. Сейчас я впервые вижу ее с непокрытой головой и не могу не улыбнуться при виде ее шевелюры, покрашенной в радужные цвета. Прическа у нее короткая, с разной длиной волос, и, казалось бы, после трех часов в шлеме эти волосы должны были слипнуться и приклеиться к голове, но нет, они выглядят так, словно она только что вышла из салона красоты.

Что, как я теперь вижу, вполне соответствует остальному ее облику – ее идеально сочетающиеся друг с другом куртка, сапоги и зимний полукombineзон смотрятся, словно прикид модели с обложки какого-то модного журнала, издающегося в здешней аляскинской глуши.

А вот я наверняка выгляжу сейчас так, будто пару раундов дралась с рассвирепевшим северным оленем. И проиграла. Причем с разгромным счетом. Во всяком случае, чувствую я себя именно так.

Мэйси быстро сгружает с саней мои чемоданы, и на сей раз я беру два из них. Но успеваю пройти только несколько шагов по очень длинной пешеходной дорожке, ведущей к внушительным парадным дверям, когда начинаю чувствовать, что мне трудно дышать.

– Это из-за высоты, – объясняет Мэйси, беря у меня один чемодан. – Мы поднялись сюда довольно быстро, и, поскольку ты приехала к нам из города, находящегося на уровне моря, тебе понадобится несколько дней, чтобы привыкнуть к здешнему разреженному воздуху.

От мысли о том, что здесь я не смогу нормально дышать, у меня, похоже, начинается паническая атака, которую я сдерживала целый день. Закрыв глаза, я делаю глубокий вдох – настолько глубокий, насколько я вообще могу вдохнуть на такой высоте – и пытаюсь предотвратить ее.

Вдох, пятисекундная задержка дыхания, выдох. Вдох, десятисекундная задержка дыхания, выдох. Так, как меня учила мать Хезер. Доктор Блейк – психотерапевт, и в последнее время она дала мне немало рекомендаций по борьбе с паническими атаками, которые мучают меня с момента гибели моих родителей. Но я отнюдь не уверена, помогут ли мне ее советы теперь.

Однако я не могу стоять здесь вечно, подобно одной из горгулий, глядящих на меня сверху. Тем более что я даже с закрытыми глазами чувствую, как встревожена Мэйси.

Я делаю еще один глубокий вдох, открываю глаза и смотрю на мою двоюродную сестру с улыбкой, хотя мне совсем не весело.

– Играй роль, пока роль не станет тобой, – это все еще актуально, да?

– Все будет хорошо, – говорит она, сочувственно глядя на меня. – Просто постой здесь и отдышись. А я поднесу твои чемоданы к дверям.

– Не надо, я вполне могу сделать это сама.

– Нет, кроме шуток, мне это нетрудно. Просто постой здесь минутку, успокойся и расслабься. – Она поднимает руку, делая мне знак постоять и подождать. – Нам некуда спешить.

По ее просящему тону я понимаю – лучше не спорить, и не вступаю в спор. Тем более что из-за панической атаки, которую я пытаюсь преодолеть, мне стало еще труднее дышать. А посему я просто киваю и смотрю, как Мэйси по одному переносит мои чемоданы к парадным дверям школы.

И тут мое внимание привлекает красное пятно, мелькнувшее где-то наверху.

Оно появляется и исчезает так быстро, что я совсем не уверена, в самом ли деле оно там было. Однако вот оно мелькает опять. Что-то красное, на миг показавшееся в освещенном окне самой высокой из здешних башен.

Я не знаю, кто это был, не знаю, важно ли это вообще, но продолжаю стоять и смотреть. Гадая, покажется ли этот человек еще раз.

Ждать мне приходится недолго.

Я не могу разглядеть его ясно – до окна далеко, вокруг темно, к тому же картину искажает оконное стекло – но мне кажется, что я вижу волевой подбородок, темные волосы и то ли красную толстовку, то ли красный пиджак на фоне освещенной комнаты.

Это совсем немного, и у меня не было никаких причин обращать на это внимание и тем более сосредоточивать его на этой красной то ли толстовке, то ли пиджаке, однако я вдруг обнаруживаю, что мой взгляд был прикован к окну башни так долго, что за это время Мэйси успела поднять все три моих чемодана на высокое крыльцо.

– Ну как, ты готова попробовать еще раз? – кричит она, стоя у дверей.

– О да, само собой. – Я начинаю подниматься по лестнице, состоящей примерно из тридцати ступенек, стараясь не обращать внимания на головокружение. Горная болезнь – это еще одна штука, о которой мне никогда не приходилось беспокоиться в Сан-Диего.

Фантастика.

Я бросаю на окно башни еще один, последний взгляд, но, как я и ожидала, того, кто смотрел на меня из него, там больше нет. На миг меня пронзает не поддающееся объяснению разочарование. Но оно не имеет смысла, и я отбрасываю его прочь. Сейчас мне надо беспокоиться о куда более важных вещах.

– Потрясное место, – говорю я моей двоюродной сестре. Она открывает одну из дверных створок, и мы заходим внутрь.

И вот так штука – я полагала, что этот замок с его стрельчатыми арками и затейливыми каменными украшениями здорово впечатляет, если смотреть на него снаружи, но теперь, когда я вижу его изнутри... Теперь, когда я вижу его изнутри, у меня возникает такое чувство, будто мне немедленно следует сделать реверанс. Или хотя бы расшаркаться. Да, круто. Просто офигеть.

Не знаю, на что мне смотреть в первую очередь – на высокий потолок с его изысканной люстрой из черного хрусталя или на огонь, ревущий в камине, который занимает немалую часть правой стены вестибюля.

– Клево, правда? – с ухмылкой говорит Мэйси, подойдя ко мне сзади.

– Так клево, что нет слов, – соглашаюсь я. – Это просто...

– Знаю, волшебное. – Мэйси поднимает брови. – Хочешь увидеть побольше?

Еще бы. Я все еще не в восторге от перспективы учебы в этой аляскинской школе-пансионе, но это вовсе не значит, что мне не хочется осмотреть замок. Потому что это самый настоящий замок, с каменными стенами и изысканными гобеленами, которыми я хочу полюбоваться, остановившись по дороге в следующее помещение, являющее собой нечто вроде зала отдыха для учеников.

Единственная проблема заключается в том, что чем глубже мы заходим, тем больше учеников попадает на нашем пути. Одни из них стоят маленькими группами, разговаривая и смеясь, в то время как другие сидят за несколькими исцарапанными деревянными столами,

склоняясь над книгами, смартфонами или экранами ноутбуков. В дальнем углу на красно-золотых диванах, с виду антикварных, сидят шестеро парней, играющих в игровую приставку, соединенную с огромным телевизором, меж тем как еще несколько учеников стоят вокруг и смотрят.

Только когда мы подходим ближе, до меня доходит, что они смотрят вовсе не на видеоигру. И не в свои книги. И даже не на экраны смартфонов. Все они глядят на меня, пока Мэйси ведет меня по центру комнаты – и не просто ведет, а демонстрирует меня им.

У меня сжимается сердце, я опускаю голову, чтобы скрыть смущение. Я понимаю, что все хотят рассмотреть новую ученицу, тем более что она приходится племянницей директору школы, но как бы хорошо я ни понимала их чувства, от этого мне отнюдь не легче переносить изучающие взгляды всех этих чужаков. Особенно если учесть, что мои волосы жутко приматы шлемом.

Мне приходится прикладывать такие большие усилия, чтобы избежать зрительных контактов и продолжать кое-как дышать, что я не могу произнести ни слова, но, когда зал отдыха оказывается позади и мы выходим в длинный извилистый коридор, я наконец говорю Мэйси:

– Поверить не могу, что ты в самом деле учишься здесь.

– Здесь учимся мы обе, – с улыбкой напоминает она.

– Да, но... – Я только что прибыла сюда, и мне никогда еще не приходилось чувствовать себя так некомфортно, как сейчас.

– Но что? – спрашивает она, изогнув брови.

– Все это нелегко переварить. – Я вглядываюсь в великолепные витражи, красующиеся в наружной стене, и в затейливую резьбу по камню, украшающую сводчатый потолок.

– Верно. – Она замедляет шаг, чтобы я смогла ее догнать. – Но здесь наш дом.

– Здесь твой дом, – шепчу я, изо всех сил стараясь не думать о доме, оставшемся в Сан-Диего, где самыми причудливыми вещами были ветроловки моей матери, подвешенные на парадном крыльце.

– Наш дом, – отвечает она, доставая телефон и отправляя кому-то короткое сообщение. – Вот увидишь. Кстати, папа хочет, чтобы я предоставила тебе выбор относительно твоего размещения.

– Размещения? – переспрашиваю я, оглядывая замок, и в голове моей проносятся мысли о привидениях и оживающих рыцарских доспехах.

– Ну, дело в том, что на этот семестр все комнаты на одного уже распределены. Папа сказал мне, что мы могли бы кое-кого переселить, чтобы все-таки раздобыть для тебя такую комнату, но я очень надеялась, что вместо этого ты, быть может, предпочтешь поселиться вместе со мной. – На секунду на ее лице появляется улыбка, полная надежды, но быстро гаснет, и она продолжает: – Но мне вполне понятно, что тебе, возможно, хочется побыть одной после...

Она замолкает, как и все до нее. Это достает меня, как доставало всякий раз прежде. Обычно я игнорирую такие вещи, но на сей раз я не могу удержаться от вопроса:

– После чего?

Хотя бы на сей раз мне хочется, чтобы эти слова произнес кто-то другой. Возможно, тогда это покажется мне более реальным и менее похожим на ночной кошмар.

Вот только у Мэйси перехватывает дыхание, и она становится белой, как лежащий снаружи снег. Нет, это определенно будет не она. И с моей стороны нечестно ожидать, что это скажет именно моя кузина.

– Прости, – шепчет она, и вид у нее такой, словно она вот-вот заплачет. Нет, туда мы с ней не пойдем. Только не теперь, когда единственное, что не дает мне распасться на куски, – это мой горячий нрав и мое умение отделять важное от второстепенного.

И я ни за что не откажусь ни от первого, ни от второго. Только не здесь, не перед моей кухней и не в присутствии всех этих учеников. И не теперь, когда их взгляды говорят о том, что в здешнем зоопарке я для них самый новый и интересный зверь.

А потому вместо того, чтобы упасть в объятия Мэйси, чего я отчаянно хочу, вместо того, чтобы позволять себе думать о том, как мне недостает моего дома, моих родителей и моей прежней жизни, я отстраняюсь и изображаю на лице самую лучезарную из моих улыбок.

– Почему бы тебе не проводить меня в нашу комнату?

Тревога в ее глазах несколько не убывает, но к ней определенно прибавляется радость.

– В нашу комнату? Правда?

Мысленно я глубоко вздыхаю и говорю «прощай» моей мечте об уединении и покое. Это оказывается не так уж трудно, ведь за последний месяц я потеряла куда больше, чем такая штука, как личное пространство.

– Конечно, правда. Жить в одной комнате с тобой – это просто супер.

Один раз я уже расстроила ее, что отнюдь не в моем стиле. Как и изгнание кого-то из учеников из его или ее комнаты. Последнее не только было бы сущим хамством и отдавало бы семейственностью, но и настроило бы всех против меня, что определенно не входит в мои планы.

– Класс! – Мэйси ухмыляется и на миг крепко обнимает меня. Затем смотрит на свой смартфон и картинно закатывает глаза. – Папа все еще не ответил на мое сообщение – он все время забывает проверять свой телефон. Послушай, подожди тут, а я схожу за ним. Я знаю, что он хотел увидеть тебя сразу после нашего прибытия в школу.

– Я могу пойти с тобой...

– Грейс, пожалуйста, просто посиди тут и подожди. – Она показывает на два кресла во французском провинциальном стиле XVII–XVIII веков, которые стоят по краям маленького, изысканно украшенного шахматного столика, поставленного в нише справа от лестницы. – Уверена, что ты вконец измоталась, и я легко разберусь с этим сама, честное слово. Отдохни минутку, пока я буду ходить за папой.

Поскольку она права – у меня болит голова и мне по-прежнему трудно дышать, – я просто молча киваю и плюхаюсь на ближайшее кресло. Я невероятно устала, и мне хочется одного – откинуться на спинку и на минуту закрыть глаза. Но я боюсь, что если сделаю это, то засну. А я ни за что не стану так рисковать – мне совсем не улыбается стать девушкой, которая пустила на себя слюни, заснув в коридоре в свой самый первый день в школе... или в любой другой.

Скорее не из настоящего любопытства, а для того, чтобы не дать себе задремать, я беру в руку одну из стоящих передо мной шахматных фигур. Она искусно вырезана из мрамора, и, когда до меня доходит, на что именно я смотрю, у меня округляются глаза. Фигура представляет собой великолепное изображение вампира, включающее в себя традиционный черный плащ, грозное лицо и оскаленные клыки. Это настолько хорошо сочетается с атмосферой замка в стиле готических романов, что не может не забавлять. К тому же сделан вампир с необычайным искусством.

Заинтригованная, я протягиваю руку и беру одну из фигур, стоящих на противоположной стороне доски. И едва не разражаюсь смехом, когда понимаю, что это дракон – свирепый, величественный, с огромными крыльями. И невероятно красивый.

Как и весь этот комплект шахматных фигур.

Я ставлю этого дракона обратно на столик и беру другого. Вид у него менее свирепый, но с этими своими полужакрытыми сонными глазами и сложенными крыльями он выглядит еще более изысканно. Я внимательно рассматриваю его, любясь искусной проработкой всех деталей. Все в нем, начиная с идеально выполненных кончиков крыльев и кончая аккуратно вырезанным изгибом каждого из когтей, свидетельствует о том, с каким тщанием работал тот,

кто изготовил эту фигуру. Я никогда не увлекалась шахматами, но, возможно, такой их комплект изменит мое отношение к этой древней игре.

Поставив на столик фигуру дракона, я опять протягиваю руку к другому краю доски и беру с нее королеву вампиров. Она прекрасна, у нее длинные струящиеся волосы и прихотливо украшенный плащ.

– На твоём месте я был бы с ней осторожен. Она умеет больно кусаться. – Кто-то, говорящий низким рокочущим голосом, произносит эти слова так близко, что я чуть не падаю со своего кресла. Вскочив, я со стуком роняю шахматную фигуру, резко поворачиваюсь с неистово бьющимся сердцем – и оказываюсь лицом к лицу с самым потрясающим парнем, которого когда-либо видели мои глаза. И дело не только в том, что он привлекателен... хотя этого у него определенно не отнять.

Однако в нём есть и нечто большее, нечто особенное, мощное, ошеломляющее, хотя я понятия не имею, что это может быть. Ясное дело, это из-за его лица – такие лица любили воспевать поэты XIX века. Оно слишком пронзительно, чтобы его можно было назвать прекрасным, и в то же время так великолепно, что иначе его все-таки не назовешь.

Высоченные скулы.

Полные красные губы.

Острый подбородок.

Гладкая, алебастровая кожа.

А глаза... они похожи на бездонный черный обсидиан и, кажется, могут видеть все, не показывая ничего. К тому же их обрамляют до неприличия длинные и густые ресницы.

И, что еще хуже, взор этих всеведущих глаз сосредоточен сейчас на мне, и мне вдруг становится страшно – а вдруг этот парень может видеть все то, что я так упорно стараюсь скрыть? Я хочу опустить голову, отвести глаза, но не могу, ибо нахожусь в плену его взгляда, зачарованная исходящим от него магнетизмом.

Я с усилием сглатываю, чтобы восстановить дыхание.

Но у меня ничего не выходит.

Он приподнимает один уголок рта в кривой улыбке, которая отдается в каждой клеточке моего тела. Причем эта его самодовольная ухмылка ясно говорит о том, что он отлично понимает, какой эффект производит на меня. И, что еще хуже, наслаждается им.

Меня охватывает раздражение и растапливает лед бесчувствия, который сковывал мое сердце с тех самых пор, как мои родители погибли. Я пробуждаюсь от оцепенения, которое одно только и не давало мне выть белугой весь день от несправедливости того, что произошло. От боли, ужаса и беспомощности, которые целиком заполнили мою жизнь.

Это неприятное чувство. И тот факт, что его пробудил во мне именно этот парень с его самодовольной ухмылкой и холодными глазами, которые упорно держат мои собственные глаза в плену и в то же время требуют, чтобы я не слишком приглядывалась, бесит меня еще больше.

Именно гнев в конце концов дает мне силы оторвать взгляд от этих его глаз. После чего я начинаю лихорадочно искать, на чем бы сосредоточиться теперь.

К сожалению, он стоит прямо передо мной, так близко, что загораживает от меня помещение.

Делая все, чтобы не встречаться с ним глазами, я пытаюсь смотреть куда угодно, только не на его лицо. И вместо лица мой взгляд упирается в его длинное стройное тело. О чем я тут же начинаю жалеть, поскольку черные джинсы и футболка только подчеркивают его плоский живот и твердые, рельефные бицепсы. Не говоря уже о широченных плечах, которые, собственно, и не дают мне видеть все остальное.

А если добавить к этому еще и густые черные волосы, пожалуй, чуть длинноватые, так что они падают ему на лицо и ласкают его невероятно красивые скулы, становится ясно, что

мне остается только одно – сдаться. И признать, что, несмотря на свою гадкую ухмылку, это парень до жути сексуален.

А еще немного ядовит, на редкость необуздан и невероятно опасен.

Когда все это наконец доходит до меня, из моих легких вылетает даже то небольшое количество кислорода, которое мне удалось закачать в них на этой высоте. Что злит меня еще больше. С каких это пор я превратилась в героиню любовного романа? В новенькую, впавшую в экстаз при виде самого обольстительного и недостижимого парня в школе?

Ну, нет, обойдется.

Твердо решив подавить всю эту хрень в зародыше, я заставляю себя еще раз посмотреть на его лицо. И на сей раз, когда наши взгляды встречаются, понимаю, что, даже если я вдруг начала вести себя как банальная дура из слезливого романа, это совершенно неважно.

Один взгляд – и мне становится ясно, что этот темноволосый парень с непроницаемыми глазами, явно готовый посылать всех и вся, не может быть героем ничьего романа. И уж подавно героем моего.

**БОЛЬНО КУСАТЬСЯ
УМЕЮТ НЕ ТОЛЬКО
КОРОЛЕВЫ ВАМПИРОВ**

Твердо решив, что эта дуэль взглядов, немного отдающая демонстрацией его превосходства, должна прекратиться, я пытаюсь отыскать хоть что-то, чтобы разрядить напряжение. И прихожу к выводу, что лучше всего просто-напросто ответить на то, что он мне сейчас сказал.

– Кто умеет больно кусаться?

Он протягивает руку, берет со столика фигурку королевы и показывает ее мне:

– По правде говоря, она далеко не милашка.

Я воззряюсь на него:

– Это же просто шахматная фигура.

Его черные обсидиановые глаза блестят.

– Ну, и что с того?

– А то, что это всего лишь шахматная фигура, вырезанная из мрамора. Она никого не может укусить.

Он склоняет голову, как бы говоря: почему знать?

– Есть тьма чудес на небе и в аду, Гораций, не снившихся философам твоим.

– На небе и земле, – машинально поправляю его я.

Он вопросительно выгибает одну угольно-черную бровь, и я продолжаю:

– Цитата звучит так: «Есть тьма чудес на небе и земле, Гораций, не снившихся философам твоим»³.

– В самом деле? – Выражение его лица не изменилось, но в тоне звучит насмешка, как будто ошибку допустила я, а не он. Но я знаю, что не ошиблась, – в прошлом месяце моя группа продвинутой предуниверситетской подготовки закончила проходить «Гамлета», причем наш учитель обсасывал эту цитату целую вечность. – Пожалуй, моя версия нравится мне больше.

– Несмотря на то что она неверна?

– Именно потому, что она неверна.

Я понятия не имею, как следует отвечать на такое, а потому просто качаю головой. И начинаю гадать, очень ли капитально я заплутаю, если прямо сейчас отправлюсь на поиски Мэйси и дяди Финна. Надо полагать, очень, ведь это здание огромно, но, пожалуй, мне все-таки следовало бы рискнуть. Потому что чем дольше я остаюсь здесь, тем яснее понимаю, что этот парень не только полон загадок, но и внушает страх.

³ Уильям Шекспир. «Гамлет», действие 1, сцена 5, слова Гамлета (пер. Ефима Сомина).

Не знаю, что из этого хуже. И с каждой секундой все больше убеждаюсь, что мне совсем не хочется это узнать.

– Мне надо идти. – Я выдавливаю из себя эти слова, только сейчас осознав, что все это время у меня были стиснуты зубы.

– Да, надо. – Он делает шаг назад и кивком показывает на комнату отдыха, которую мы с Мэйси только что миновали: – Дверь вон там.

Я ожидала не такого ответа, и его слова застают меня врасплох.

– То есть ты хочешь сказать мне: скатертью дорога?

Он пожимает плечами:

– Если уедешь и оставишь эту школу, мне плевать, как ты истолкуешь мои слова. Я не раз предупреждал твоего дядю, что тут тебе будет небезопасно, но ты ему, видимо, не очень-то дорога.

Меня обжигает гнев, и в нем сгорают последние остатки оцепенения и бесчувствия, которыми было объято мое сердце.

– Да кто ты вообще такой? Здешний записной недоброжелатель?

– Недоброжелатель? – Тон у него такой же мерзкий, как и его лицо. – Поверь мне, здесь тебе не светит более доброжелательный прием.

– Значит, вот оно, да? – Я поднимаю брови и раскидываю руки. – Это и есть ваше «добро пожаловать на Аляску»?

– Скорее, добро пожаловать в ад. А теперь вали отсюда.

Он рывкает это так свирепо, что меня охватывает страх. Но в то же время я разъяряюсь донельзя.

– Ты ведешь себя как козел, потому что у тебя в жопе застряла палка? – вопрошаю я. – Или же всегда бываешь таким обаяшкой?

Эти слова слетают с моего языка еще до того, как я осознаю, что собираюсь их сказать. Но я о них не жалею, ведь на его лице отражается потрясение и стирает эту его омерзительную самодовольную ухмылку.

Во всяком случае, на минуту. Затем он открывает ответный огонь:

– Если это все, на что ты способна, то здесь тебе не продержаться и часа.

Я знаю, что мне не стоит задавать этот вопрос, но вид у него такой надменный, что я ничего не могу с собой поделать.

– И что же случится потом?

– Тебя сожрут. – Он не говорит: «Это же элементарно», но определенно подразумевает именно это, отчего я свирепею еще больше.

– Да ну? Ты в самом деле так думаешь? – Я картинно закатываю глаза. – Знаешь что? Выкуси!

– Это вряд ли. – Он меряет меня взглядом. – Думаю, из тебя не вышла бы даже закуска.

Подойдя ближе, он наклоняется почти к самому моему уху.

– Но, быть может, вышел бы быстрый перекус. – Его зубы щелкают, громко, резко, я вздрагиваю, и вместе с тем меня пробивает дрожь.

Что мне не нравится... совсем.

Я оглядываюсь, желая узнать, смотрит ли кто-то еще на всю эту жуткую сцену. Но если прежде все пялились на меня во все глаза, то сейчас все до одного лезут из кожи вон, пытаюсь вообще не глядеть в мою сторону. Один долговязый парнишка с густой копной рыжих волос идет по залу, так неуклюже отвернув голову, что едва не врезается в другого ученика.

Так что с тем типом, с которым я веду разговор, все ясно.

Твердо решив овладеть ситуацией, а также самой собой, я делаю большой шаг назад. Затем, стараясь не обращать внимания на мое бешено колотящееся сердце и нервную дрожь, говорю:

– Да что с тобой? Чего тебе не хватает? – В самом деле, он ведет себя как взбесившийся белый медведь.

– Не воображаешь ли ты, что у тебя в запасе есть несколько веков жизни? – На его лице снова играет все та же самодовольная ухмылка – он явно гордится тем, что смог меня достать, и на мгновение, всего лишь на мгновение у меня мелькает мысль о том, как приятно было бы всадить кулак в этот его мерзкий рот.

– Послушай, тебе вовсе не обязательно быть таким...

– Не указывай мне, каким я должен быть, а каким не должен. Тем более что ты понятия не имеешь, во что ты ввязалась.

– О, только не это! – Я изображаю испуг. – Это и есть та часть повествования, в которой ты рассказываешь мне про больших и страшных чудовищ, которые обитают в больших и страшных дебрях Аляски?

– Нет, это та часть, в которой я показываю тебе больших и страшных чудовищ, которые обитают прямо здесь, в этом замке. – Он делает шаг вперед, вновь приблизившись ко мне.

И мое сердце снова начинает биться, как бьется пойманная птица.

Мне это не нравится. Совсем.

Мне не нравится, что он взял надо мною верх, не нравится, что, оказавшись рядом с ним, я начинаю испытывать такие чувства, которых никак не должна испытывать к парню, ведущему себя со мной как последняя скотина. И еще больше мне не нравится, что по его глазам я вижу – для него эти мои чувства отнюдь не секрет.

Очень уничительно сознавать, что я так остро реагирую на типа, который явно не питает ко мне ничего, кроме презрения, и я, дрожа, делаю шаг назад. Затем еще шаг. И еще.

Но он идет одновременно со мной, делая шаг вперед при каждом моем шаге назад, пока я не оказываюсь зажатой между ним и шахматным столиком, край которого врежется в заднюю часть моих бедер. И хотя теперь парень стоит ко мне почти вплотную, он склоняется еще ближе к моему лицу, так что теперь я чувствую на щеке его теплое дыхание и прикосновение черных шелковистых волос.

– Что ты... – У меня перехватывает дыхание. – Что ты делаешь? – говорю я, когда он протягивает руку куда-то за мою спину.

Поначалу он молчит, но, когда немного подается назад, я вижу в его руке одну из шахматных фигур, изображающих драконов. Он показывает ее мне, вызывая изогнув одну бровь, и отвечает:

– Ты сама хотела посмотреть на чудовищ.

Этот дракон выглядит свирепым, глаза его прищурены, одна когтистая лапа поднята, пасть раскрыта, и в ней виднеются острые треугольные зубы. Но это так и так всего лишь шахматная фигура.

– Я не испытываю страха перед трехдюймовым драконом.

– А следовало бы.

– Да ну? – Мой голос звучит сдавленно, потому что, хотя парень и подался немного назад, он по-прежнему остается слишком близко. Так близко, что я опять ощущаю и его дыхание на моей щеке, и жар его тела. Так близко, что стоит мне сделать глубокий вдох, как моя грудь коснется его груди.

От этой мысли меня вновь охватывает трепет. Я не могу отступить, мне просто некуда, но могу немного отклониться назад. Что я и делаю, меж тем как эти его бездонные темные глаза следят за каждым моим движением.

Молчание тянется одну... десять... двадцать пять секунд, прежде чем он наконец прерывает его:

– Если ты не страшишься зловещих ночных тварей, то чего же ты тогда боишься?

Перед моим мысленным взором встает искореженная машина моих родителей, затем я словно наяву вижу их изуродованные тела. В Сан-Диего у них оставался только один родной человек – я. Мэйси и дядя Финн были далеко, поэтому именно мне пришлось ехать в морг и опознавать их останки. Именно мне пришлось увидеть их окровавленными, с раздробленными костями, такими, какими они были до того, как их привел в порядок бальзамировщик в похоронном бюро.

Меня переполняет так хорошо знакомая мне боль, но я опять делаю то, что проделывала все последние недели, – давлю ее в себе. Притворяюсь, что ее нет.

– Мало чего, – отвечаю я так небрежно, как только могу. – Человек мало чего боится, если он уже потерял все, что для него имело значение.

При этих словах он замирает и все его тело так напрягается, что кажется, еще немного – и оно расколется на куски. Даже глаза у него становятся иными – из них вмиг уходит все буйство и остается только оцепенелость.

Оцепенелость и мука, запятанная так глубоко, что она почти не видна под слоями защитной брони, которыми он ее загородил.

Но я все-таки вижу ее. Более того, я чувствую, как она перекликается с моей собственной болью.

Это чувство ужасно и вместе с тем внушает благоговение. Оно настолько ужасно, что я едва могу вынести его, и внушает такое глубокое благоговение, что я не в силах его подавить.

И я не давлю его в себе. Как не давит его и он.

Вместо этого мы оба стоим, оцепенев. Мы опустошены, и нас объединяют некие узы, которые я чувствую, хотя и не могу постичь их сути, узы, порожденные тем, что пережила я, и тем, что пережил он.

Не знаю, как долго мы стоим так, неотрывно глядя друг другу в глаза, и каждый из нас признает боль другого, потому что не может признаться в своей.

Это продолжается долго, достаточно долго для того, чтобы из меня улетучилась вся моя злость.

Достаточно долго, чтобы я разглядела серебристые искорки в его темных, как полночь, глазах – далекие-далекие звезды, сияющие во мраке, который он даже не пытается скрыть.

И более чем достаточно, чтобы взять под контроль мое неистово колотящееся сердце. Во всяком случае, до того как он нежно берет в руку одну из моих бесчисленных кудряшек.

И у меня снова перехватывает дух.

Он распрямляет кудряшку, и меня пронизывает жар – мне становится тепло впервые после того, как я открыла дверь самолета Филипа в Хили. Это сбивает с толку, ошеломляет, и я совершенно не представляю, что с этим делать.

Всего пять минут назад этот парень вел себя со мной как последнее чмо. Но теперь... теперь я уже вообще ничего не понимаю. И знаю только, что мне нужно хоть какое-то личное пространство. И сон. И возможность несколько минут подышать.

Подумав об этом, я поднимаю руки и нажимаю на его плечи, пытаюсь заставить парня немного отодвинуться назад, чтобы дать мне больше места. Но это все равно что толкать гранитную стену. Он не сдвигается с места.

Во всяком случае, до тех пор, пока я не шепчу:

– Пожалуйста.

Он ждет еще секунду, две, три, пока у меня вконец не туманятся мысли, а руки не начинают трястись, потом наконец отпускает мою кудряшку и делает шаг назад.

После чего запускает руку в свои черные волосы. Его длинная челка расходится в стороны, и становится виден извилистый шрам, тянущийся от середины его левой брови до левого уголка губ. Эта отметина белая и тонкая, едва различимая на его бледной коже, но ее все-таки

можно заметить, особенно если смотреть на жутковатый белесый клинышек возле конца его черной брови.

По идее, это должно было бы сделать его менее привлекательным, должно было бы свести на нет тот разительный эффект, который производит его обличье, но вместо этого шрам всего лишь придает ему еще более грозный и опасный вид, превращая из просто очередного красавчика с ангельским лицом в намного, намного более неотразимого падшего ангела, такого плохого парня с мощной энергетикой... силу которой могли бы подтвердить тысячи историй.

В сочетании с душевной мукой, которую я только что разглядела в его глазах, этот шрам делает его... более человечным, что ли. Более располагающим и еще более ошеломительным, несмотря на исходящую от него тьму. Подобный шрам – это наверняка след, оставшийся от ужасающей, невообразимой раны. Сотни и сотни швов, множество операций, восстановление, занявшее не один месяц, а может быть, и не один год. Мне невыносимо думать, что он так страдал, такого я не пожелала бы никому, тем более этому парню, который выводит меня из равновесия, пугает и волнует, причем одновременно.

Он понимает, что я заметила его шрам, – я вижу это по его сощуренным глазам. По тому, как напряглись его плечи, а руки сжались в кулаки. И по тому, как он опускает голову, чтобы волосы опять упали ему на щеку.

Мне не нравится, что он, похоже, считает нужным скрывать то, что должен бы почитать знаком доблести. Ведь требуется огромная душевная сила, чтобы выдержать такое, перенести и не сломаться, и ему следовало бы гордиться этой силой. А не стыдиться отметины, которую она оставила на его лице.

Я безотчетным жестом поднимаю руку и накрываю ладонью его прочерченную шрамом щеку.

Его темные глаза вспыхивают, и на миг мне кажется, что сейчас он оттолкнет меня прочь. Но в конце концов он, похоже, решает этого не делать. Он просто стоит и не мешает мне гладить большим пальцем его щеку – его шрам – несколько долгих мгновений.

– Мне так жаль, – шепчу я, когда мне наконец удается проглотить застрявший в горле ком. – Должно быть, это было ужасно больно.

Он не отвечает, а просто закрывает глаза и прижимается щекой к моей руке.

Затем отстраняется, отходит, впервые по-настоящему отодвинувшись от меня после того, как подкрался ко мне сзади, – теперь возникает такое чувство, будто с тех пор прошла целая жизнь.

– Я совсем тебя не понимаю, – говорит он мне вдруг, и его голос, от которого веет черной магией, звучит так тихо, что мне приходится напрячь слух, чтобы расслышать эти слова.

– Есть тьма чудес на небе и в аду, Гораций, не снившихся философам твоим, – отвечаю я, нарочно переиначив цитату так, как в начале нашего разговора это сделал он.

Он мотает головой, словно пытаясь вытряхнуть из нее туман. Делает глубокий вдох, затем медленно выдыхает.

– Если ты не уедешь отсюда...

– Я не могу уехать, – перебиваю его я. – Мне просто некуда ехать. Мои родители...

– Погибли. Я знаю. – Он улыбается мрачной улыбкой. – Что ж, ладно. Если ты не намерена уезжать, то тебе надо будет выслушать меня очень-очень внимательно.

– Что ты имеешь в виду...

– Не поднимай головы. Не смотри слишком уж пристально ни на кого и ни на что. – Он подается вперед и, понизив голос до чего-то, похожего на тихий рокот, заключает: – И всегда, всегда будь предельно осторожной.

Глава 4

Рыцарь на белом коне – это так старомодно

– Грейс! – разносится по коридору голос моего дяди Финна, и я инстинктивно поворачиваюсь к нему. Я улыбаюсь, машу ему рукой, хотя у меня сейчас такое чувство, словно я не смогу сдвинуться с места ни на дюйм, ведь я как-никак только что выслушала то, что до жути походит на предостережение.

Я поворачиваюсь обратно, чтобы снова оказаться лицом к лицу с Высоким Темноволосым И Мрачным Незнакомцем и попытаться выяснить, чего именно мне, по его мнению, следует так уж опасаться, но его здесь уже нет.

Я оглядываюсь по сторонам, желая во что бы то ни стало дознаться, куда он подевался, но прежде, чем мне удастся отыскать его глазами, дядя Финн заключает меня в свои медвежьи объятия и поднимает, так что мои ноги отрываются от пола. Вися в воздухе, я чувствую, как меня окутывает исходящий от него умиротворяющий запах леса – точно так же пахло и от моего отца.

– Прости, что я не смог встретить тебя в аэропорту. Пара подростков поранилась, и мне пришлось остаться тут, чтобы уладить проблему.

– Не бери в голову. С ними все в порядке?

– Да. – Он качает головой: – Просто парочка идиотов. Ну, ты сама знаешь, какими бывают мальчишки.

Я хочу сказать ему, что понятия не имею, какими бывают мальчишки, – доказательством тому может служить мое последнее знакомство, – но некий странный инстинкт, сути которого я не понимаю, предостерегает меня, шепча, что мне не следует упоминать о парне, с которым я только недавно говорила. И я не упоминаю. А просто смеюсь и поддакиваю.

– Хватит с нас рассуждений об обязанностях директора школы, – резюмирует он, еще раз обнимает меня, на сей раз более коротко, после чего отстраняется, чтобы посмотреть на мое лицо. – Как ты долетела? И, что куда важнее, как ты сама?

– Путь был долгим, – отвечаю я. – Но все прошло нормально. И со мной все хорошо. – Дежурный ответ.

– Уверен, что «хорошо» – это громко сказано. – Он вздыхает. – Могу себе представить, как тяжело дались тебе последние недели. Жаль, что я не смог побыть с тобой дольше после похорон.

– Не беда. Риэлторское агентство, в которое ты позвонил, позаботилось почти обо всем. А остальное взяли на себя Хезер и ее мать. Честное слово.

Видно, что ему хочется сказать куда больше, но также очевидно, что он не желает ни во что углубляться, пока мы находимся в коридоре. А потому в конце концов просто кивает и говорит:

– Ну, хорошо. Сейчас я тебя оставляю, устраивайся на новом месте по соседству с Мэйси, но завтра утром загляни ко мне, и мы поговорим о расписании твоих занятий. А еще я познакомлю тебя с нашим психологом-консультантом, доктором Уэйнрайт. Думаю, она тебе понравится.

Ну, конечно. Доктор Уэйнрайт. Школьный психолог-консультант, а также психотерапевт – так мне сказала мать Хезер. И не просто психотерапевт, а психотерапевт, который будет заниматься именно мной, так как и она, и мой дядя считают, что я нуждаюсь в психотерапии. Я бы могла поспорить, но раз уж весь последний месяц я каждое утро плачу, принимая душ, наверное, в этом все-таки есть смысл.

– Да, конечно.

– Хочешь поесть? Я велю принести ужин в вашу комнату, раз уж ты его пропустила. И есть еще кое-что, о чем нам точно необходимо поговорить. Хотя... как ты переносишь здешнюю высоту?

– Нормально. Не супер, но в целом нормально.

– Ага. – Он окидывает меня взглядом, затем сочувственно хмыкает и поворачивается к Мэйси: – Когда вы подниметесь к себе в комнату, дай ей две таблетки эдвила. И убедись, что она выпила много воды. Я пришлю ей суп и имбирное пиво. Сегодня вечером тебе, Грейс, лучше ограничиться чем-то легким, а утром посмотрим, как у тебя пойдут дела.

«Что-то легкое» – это как раз то, что нужно, думаю я, поскольку меня тошнит при одной мысли о еде.

– Да, конечно.

– Я рад, что ты здесь, Грейс. И обещаю, что у нас тебе станет легче.

Я киваю, ведь больше мне ничего не остается. Сама я отнюдь не рада, что я здесь, – сейчас Аляска кажется мне чем-то вроде луны, – но, если речь идет о том, чтобы мне стало легче, я обеими руками за. Мне ужасно хочется прожить хотя бы один день, не чувствуя себя так хреново, как все последние недели.

Я надеялась, что такой день наступит уже завтра, но сейчас, после моей встречи с Высоким Темноволосым И Мрачным Незнакомцем, я могу думать только об одном – о том, как он выглядел, когда предложил мне отсюда уехать и оставить Кэтмир. И о том, как сердито он смотрел на меня, когда я отказалась уезжать. Так что... скорее всего, это случится не завтра.

Решив, что моя беседа с дядей окончена, я тянусь к ручке одного из моих чемоданов, но тут дядя Финн говорит:

– Не беспокойся о своих чемоданах. Я попрошу одного из парней... – Он обрывает фразу и кричит, глядя в конец коридора: – Эй, Флинт! Иди сюда и помоги мне, лады?

Мэйси издает звук, похожий на нечто среднее между стоном и предсмертным хрипом, пока ее отец спешит в другой конец коридора, видимо, пытаясь догнать этого самого Флинта.

– Идем, давай уберемся отсюда, пока папа его не догнал. – Она хватает два чемодана и почти что бежит к лестнице.

– А что не так с этим Флинтом? – спрашиваю я, взяв оставшийся чемодан и пытаясь не отстать от нее.

– Ничего. Он классный. Потрясный. И суперсексуальный. Просто ему ни к чему видеть нас в таком виде.

Я вполне понимаю, почему она не хочет, чтобы он видел меня такой. Сейчас я наверняка выгляжу так, что краше в гроб кладут. Но ведь о ней такого не скажешь.

– Ты смотришься так, что прямо отпад.

– Э-э, нет. Не отпад. Идем, идем. Надо убраться отсюда до того...

– Привет, Мэйс. Не беспокойся насчет этих чемоданов. Я их отнесу. – Мы слышим доносящийся снизу низкий раскатистый голос, я оборачиваюсь и вижу парня в рваных джинсах и белой футболке, спешащего к нам. Он высок – почти так же высок, как Высокий Темноволосый И Мрачный Незнакомец, – и так же мускулист. Но на этом их сходство заканчивается, потому что если тот первый парень олицетворял собой тьму и холод, то этот соткан из света и огня.

Ярко-янтарные глаза, словно горящие изнутри.

Кожа теплого коричневого оттенка.

Прическа афро, которая очень ему идет.

И, наверное, самое примечательное – в его глазах видна приветливая улыбка, так же отличающаяся от холодности в глазах того, другого парня, как яркие звезды за окнами отличаются от бесконечной полнотной синевы окружающих их небес.

– Ничего, мы отнесем их сами, – говорит Мэйси, но он пропускает ее слова мимо ушей и, перескакивая через ступеньки, несется к нам.

Остановившись рядом со мной, он осторожно вынимает ручку чемодана из моей судорожно стиснутой руки.

– Привет, Новенькая. Как ты?

– Все нормально, только...

– Ей очень худо, Флинт, – кричит снизу дядя Финн. – На нее действует здешняя высота.

– А, ну да. – В его глазах отражается сочувствие. – Это жость.

– Есть немного.

– Ну, тогда давай, Новенькая, залезай мне на спину. Я донесу тебя до верха.

От мысли о том, чтобы взгромоздиться на него, меня начинает мутить еще больше.

– Э-э... что? Н-нет, не надо. – Я отступаю в сторону. – Я могу идти...

– Да ладно тебе. – Он сгибает колени, чтобы мне было легче ухватиться за его широченные плечи. – До верха еще шесть длиннющих лестничных пролетов.

Пусть мне даже надо преодолеть еще шесть длинных лестничных пролетов, но я все равно ни за что не соглашусь влезть на спину совершеннейшего чужака.

– Наверняка ступеньки покажутся еще длиннее, чем они есть, если ты потащишь меня на себе.

– Не-а. Ты такая маленькая, что я вообще ничего не замечу. Ну что, ты садишься мне на спину или мне сгрести тебя в охапку и перекинуть через плечо?

– Ты этого не сделаешь, – говорю я.

– Что ж, давай проверим, – отвечает он с такой подкупающей улыбкой, что я смеюсь.

Но я все равно не залезу к нему на спину и не позволю этому чертовски привлекательному парню нести себя – будь то на спине или на плече. Ни. Под. Каким. Видом. И неважно, что меня так достает здешняя высота.

– Спасибо за предложение. – Я дарю ему самую лучезарную из тех улыбок, которые еще могу изобразить на лице. – Но думаю, я просто пойду помедленнее. И со мной ничего не случится.

Флинт качает головой:

– Да ты настоящая упрямец. – Но, вопреки моим опасениям, он больше не настаивает на том, чтобы понести меня на себе. А просто спрашивает: – Могу ли я хотя бы помочь тебе подняться? Мне бы очень не хотелось, чтобы ты упала с лестницы в свой самый первый день в нашей школе.

– Но как ты собираешься мне помогать? – Я подозрительно шурю.

– Вот так. – Он обвивает рукой мою талию.

От неожиданного прикосновения я напрягаюсь.

– Что ты дел...

– Так ты хотя бы сможешь опираться на меня, если лестница покажется тебе слишком уж крутой. Ладно?

Я хочу ответить категорическим отказом, но, увидев смех в его ярко-янтарных глазах, смотрящих на меня сверху вниз, – он явно ожидает, что я сделаю именно это, – передумываю. Впрочем, дело тут не только в его смеющемся взгляде, но и в том, что ни дядя Финн, ни Мэйси, похоже, не видят в его предложении никакого подвоха.

– Хорошо, лады, – говорю я и вздыхаю, поскольку у меня начинает кружиться голова. – Кстати, меня зовут Грейс.

– Да, знаю. Фостер сказал нам о твоём приезде. – Он идет вперед и тянет меня, обняв за спину. – А я Флинт.

Он останавливается и тянется к моим трем чемоданам.

– О, не надо, – говорит Мэйси куда более высоким голосом, чем обычно. – Я вполне могу их нести.

– Я в этом не сомневаюсь, Мэйс. – Он подмигивает ей. – Но раз уж я готов помочь, почему бы не воспользоваться? – Левой рукой он хватается сразу за два чемодана и поднимается дальше.

Мы идем медленно, и слава богу, ведь уже после нескольких ступенек мне становится совсем трудно дышать. Но скоро мы начинаем двигаться быстрее – не потому, что я привыкла к здешней высоте, а потому, что Флинт, обхватив мою талию, по сути, тащит меня на себе.

Я знаю, что он силен, недаром под футболкой у него такие рельефные мышцы, но я не представляла себе, что настолько. Он тащит вверх по лестнице два тяжелых чемодана и в придачу меня, даже не задыхаясь.

В конце концов мы с ним перегоняем Мэйси, которая тяжело дышит, преодолевая последние ступеньки и неся мой третий чемодан.

– Ты уже можешь меня отпустить, – говорю я, пытаюсь отстраниться. – Ведь ты фактически все равно нес меня на себе.

– Я просто пытался помочь, – говорит он и так комично шевелит бровями, что я невольно смеюсь, несмотря на все мое смущение.

Он опускает меня, и, когда мои ноги вновь касаются пола, я ожидаю, что сейчас он отпустит мою талию, но он не убирает руки и тащит меня дальше по лестничной площадке.

– Ты уже можешь меня отпустить, – повторяю я. – Со мной все в порядке. – Но тут мои колени начинают подгибаться и на меня накатывает новый приступ головокружения.

Я пытаюсь не подавать виду, но, видимо, это получается у меня скверно, поскольку на лице Флинта смешливое выражение мигом сменяется тревогой. Он качает головой:

– Ну нет, а то ты, чего доброго, вырубись и опрокинешься через перила. Директор Фостер поручил мне доставить тебя в твою комнату в целостности и сохранности, и я это сделаю.

Мне хочется возразить, но я так нетвердо держусь на ногах, что решаю все же не героизировать и принять его помощь. А потому просто киваю. Он оборачивается и кричит моей двоюродной сестре:

– У тебя все в порядке, Мэйс?

– Просто супер, – задыхаясь, отвечает она, почти что волоча мой чемодан по лестничной площадке.

– Я же говорил тебе, что могу понести и этот чемодан, – напоминает ей Флинт.

– Дело вовсе не в его весе, – язвительно говорит она, – а в том безумном темпе, в котором мне пришлось его тащить.

– Просто у меня длинные ноги. – Флинт оглядывается по сторонам. – Так по какому из коридоров мне ее вести?

– Наша комната находится в северном крыле. – Мэйси показывает на коридор, начинающийся слева. – Идите за мной.

Хотя Мэйси и запыхалась, она почти бежит по лестничной площадке, и мы с Флинтом спешим за ней. Я очень благодарна ему за то, что он продолжает поддерживать меня. Мне казалось, что я нахожусь в неплохой физической форме, но, похоже, тут, на Аляске, это выражение надо понимать совсем по-другому.

Лестничную площадку окружают четыре пары деревянных распашных дверей, массивных и украшенных резьбой, и Мэйси останавливается перед теми из них, на которых написано: «Север». Но еще до того, как она дотрагивается до дверной ручки, двери распахиваются, причем так быстро, что она едва успевает отскочить назад, чтобы не получить створкой по лицу.

– Эй, в чем де... – Она осекается, потому что из дверей выходят четверо парней, идя с таким видом, будто ее тут вообще нет. Все четверо высокие, мрачные и чертовски притягательные, но меня интересует только один из этой четверки.

Тот, с кем я разговаривала в коридоре первого этажа.

Однако я ему, похоже, не интересна – он проходит мимо с каменным лицом и ледяным холодом во взгляде – так, будто я пустое место.

Будто он вообще меня не видит, хотя ему приходится обогнуть меня, чтобы пройти.
Будто совсем недавно он не беседовал со мной целых пятнадцать минут.

Вот только он слегка задевает меня плечом, и меня обдаёт жар. И хотя логика подсказывает мне, что это прикосновение было случайным, я не могу избавиться от мысли, что он сделал это нарочно. Как не могу удержаться от того, чтобы не повернуть голову и не посмотреть ему вслед.

Это просто потому, что я на него зла, говорю я себе. Просто потому, что мне хочется сказать ему пару ласковых за то, что после нашего разговора он просто-напросто взял и исчез.

Мэйси ничего не говорит ни ему, ни остальным парням, Флинт тоже словно воды в рот набрал. Оба они ждут, когда все четверо освободят дорогу, после чего заходят в коридор, будто ничего не случилось. Хотя их только что унизили, притом самым наглým образом.

Теплая рука Флинта ещё крепче сжимает мою талию, и я невольно начинаю гадать – почему прикосновение парня, у которого в жилах течёт ледяная кровь, обжигает меня, а от близости того, кто в прямом смысле дарит мне свое тепло, мне ни холодно ни жарко? Похоже, из-за того, что в моей жизни сейчас царит полный бардак, у меня ум заходит за разум.

Мне хочется спросить, кто такие эти четверо, хочется спросить, кто он, чтобы наконец узнать имя этого парня с умопомрачительным телом и красивым лицом, но возникает такое чувство, будто сейчас не время задавать вопросы. А потому я держу рот на замке и оглядываюсь по сторонам вместо того, чтобы заикливаться на мыслях о парне, который мне даже не нравится.

По обе стороны северного коридора тянутся ряды массивных деревянных дверей, на большей части которых имеются те или иные украшения. На одной красуются засушенные розы, образующие Андреевский крест, на другой подвешена затейливая ветроловка, третья облеплена множеством стикеров с изображениями летучих мышей. Интересно, тот, кто живет за этой дверью, собирается изучать рукокрылых или же он просто фанат Бэтмена?

Как бы то ни было, все эти украшения вызывают у меня живейшее любопытство, особенно ветроловка, поскольку я не могу себе представить, чтобы в находящемся внутри здания коридоре дули ветра, – и меня нисколько не удивляет, когда Мэйси останавливается перед дверью, украшенной наиболее искусно. Она увита большой гирляндой из живых цветов и занавешена занавесом из нитей изысканных разноцветных хрустальных бус.

– Вот мы и пришли, – говорит моя двоюродная сестра, энергично распахивая дверь. – Дом, милый дом.

Прежде чем я переступаю порог, мимо нас проходит ещё один донельзя привлекательный парень, одетый во все черное. И хотя он игнорирует нас точно так же, как те четверо мрачных парней, которых мы встретили у входа в коридор, я чувствую, как по шее у меня бегут мурашки. Потому что, хотя я уверена, что мне это просто мерещится, у меня вдруг возникает такое чувство, будто за мной следят.

Глава 5

Между ярко-розовым цветом и Гарри Стайлзом⁴ есть кое-что общее

– Где тут ее кровать? – спрашивает Флинт, втащив меня в комнату.

– Та, что справа, – отвечает Мэйси. Ее голос снова звучит странно – на пару октав выше, чем обычно, и я оглядываюсь через плечо, чтобы посмотреть, все ли с ней в порядке.

Она выглядит нормально, но глаза у нее округлились и она все время зыркает то на Флинта, то на все остальное. Я вопросительно смотрю на нее, но она только молча качает головой, что означает: не говори НИЧЕГО. И я не говорю.

Вместо этого я оглядываю комнату, которую мне несколько месяцев предстоит делить с моей двоюродной сестрой. И сразу же понимаю: что бы она там ни говорила насчет того, что я без проблем могу попросить для себя отдельную комнату, она с самого начала планировала поселить меня именно тут.

Начать хотя бы с того, что все ее вещи аккуратно разложены и расставлены только в одной половине комнаты, оформленной в радужных цветах. И еще, незанятая кровать уже застелена – ну конечно, как же иначе? – ярко-розовым бельем и ярко-розовым стеганым пуховым одеялом с рисунком из огромных белых цветов гибискуса.

Этот оттенок розового куда больше напоминает мне куклу Барби в костюме для сёрфинга, чем мой дом, но Мэйси я не скажу этого ни за что. Ведь очевидно, что моя двоюродная сестра была готова разбиться в лепешку, чтобы мне тут было уютно. И я ценю ее старания.

– Спасибо. Это так мило.

– Весьма веселый цвет, – замечает Флинт, помогая мне добраться до кровати. По взгляду, которым он смотрит на меня, я вижу, что сказано это не без иронии, и от этого он начинает нравиться мне еще больше. Тот факт, что он понимает, насколько несуразен выбор Мэйси, но слишком тактичен, чтобы сказать нечто такое, что могло бы задеть ее самолюбие, еще выше поднимает его в моих глазах. Возможно, мне повезло и у меня появился еще один друг, думаю я.

Она ставит мои чемоданы возле изножья кровати, затем отходит в сторону, а я плюхаюсь на матрас, поскольку у меня все еще немного кружится голова.

– Тебе что-нибудь нужно? – спрашивает он.

– Спасибо, нет, – отвечаю я. – Спасибо за помощь.

– Всегда пожалуйста, Новенькая. – Он дарит мне сияющую улыбку. – Обращайся.

Я почти уверена, что при виде этой улыбки у моей двоюродной сестры вырывается чуть слышный стон, но она ничего не говорит, а просто подходит к двери и, натянуто улыбаясь, ждет, когда он выйдет. На прощание он машет мне, затем, сжав пальцы в кулак, касается им кулака Мэйси.

Как только она закрывает за ним дверь и запирает ее, я говорю:

– Ты запала на Флинта.

– Вовсе нет! – отвечает она, выразительно глядя на дверь, как будто он может слышать наш разговор, несмотря на толстые доски.

– Да ну? Тогда в чем дело?

– В каком смысле? – Ее голос опять стал на пару октав выше, чем обычно.

⁴ Гарри Эдвард Стайлз (Harry Styles) – британский певец, автор песен и актер, прославившийся благодаря участию в популярном бойз-бэнде *One Direction*, а затем начавший сольную карьеру.

– Сама знаешь, в каком. – Я ломаю руки, хлопаю ресницами и довольно сносно имитирую те звуки, которые она успела издать с тех пор, как ее отец попросил Флинта помочь.

– Я никогда так не делаю.

– Очень даже делаешь, – говорю я. – Но я что-то не пойму – если он тебе нравится, почему ты не пыталась поговорить с ним подольше? По-моему, это был очень удобный случай.

– И вовсе он мне не нравится! – настаивает она и смеется, когда я устремляю на нее многозначительный взгляд. – Я хочу сказать, что он, конечно, шикарный парень, ужасно милый и чертовски умный, но у меня уже есть бойфренд, который мне очень дорог. Просто Флинт... это Флинт. Ты меня понимаешь? И он был тут, в нашей комнате, и стоял у твоей кровати. – Она вздыхает: – С ума сойти.

– Что, сносит крышу, да? – дразню ее я.

– Да ну тебя. – Она картинно закатывает глаза. – Это не настоящее увлечение, а скорее...

– Что, дело в том мистическом ореоле, который окружает самого популярного парня в школе?

– Да, точно! Именно так. Правда, в списке самых популярных парней Флинт стоит все-таки не настолько высоко. Первые места в нем занимают Джексон и его компания.

– Джексон? – переспрашиваю я, пытаюсь говорить небрежно, хотя все мое тело напряжено. Не знаю, как я поняла, что Мэйси говорит о том самом парне, но я уверена, что это именно так. – Кто такой этот Джексон?

– Джексон Вега. – Она всем своим видом изображает дикий экстаз. – Я понятия не имею, как можно объяснить, что представляет из себя Джексон, разве что... О, погоди! Ты же видела его.

– В самом деле? – Я пытаюсь не замечать вновь охвативший меня трепет.

– Да, по дороге в нашу комнату. Он был одним из тех парней, которые чуть было не засадили мне дверь прямо в лицо. Тот, который шел первым и выглядел жутко сексуально.

Я прикидываюсь шлангом, хотя мое сердце вдруг начинает неистово колотиться.

– Ты имеешь в виду тех четверых, которые полностью проигнорировали нас?

– Ага. – Она смеется. – Но не принимай это на свой счет. В этом весь Джексон. Он... устрашающий тип.

Если судить по нашему с ним разговору, в нем есть и много чего другого, думаю я. Но я не стану говорить о том, что случилось с Мэйси у входа в наш коридор, ведь мне пока не понятно даже, что думаю об этом я сама.

И я делаю то единственное, что можно сделать в такой ситуации, – меняю тему беседы:

– Огромное спасибо за то, что ты обустроила комнату, чтобы мне было уютно. Я тебе очень благодарна.

– О, не бери в голову. – Она небрежно машет рукой: – Пустяки.

– Уверена, что это были вовсе не пустяки. Вряд ли найдется много таких компаний, которые готовы доставлять покупки по адресам, находящимся в полутора часах езды от Хили.

Она слегка краснеет и отводит глаза, как будто не хочет, чтобы я знала, каких усилий ей стоило сделать так, чтобы я чувствовала себя тут как дома. Но затем она пожимает плечами и говорит:

– Вообще-то мой отец знает все компании, у которых есть такая доставка. Так что это было нетрудно.

– Все равно ты моя самая любимая двоюродная сестра.

– Я твоя единственная двоюродная сестра.

– Это вовсе не означает, что ты не самая любимая.

– Эту фразу часто повторяет мой отец.

– Говорит, что ты его самая любимая двоюродная сестра? – прикалываюсь я.

– Ты понимаешь, о чем я. – Она досадливо вздыхает: – Ты ведь знаешь, что ты зануда, да?

– Еще бы.

Она смеется, подойдя к маленькому холодильнику, стоящему рядом с ее письменным столом.

– Вот, попей, – говорит она, достав большую бутылку воды и бросив ее мне. – И я покажу тебе все остальное.

– Остальное?

– Ага. Есть еще кое-что. – Она подходит к одному из стенных шкафов и открывает его дверцы. – Я подумала, что твой гардероб не очень-то подходит для Аляски, и немного дополнила его.

– Немного – это слабо сказано, ты не находишь?

В шкафу висят несколько черных юбок и брюк, а также белые и черные блузки, фиолетовые и черные тенниски, два черных блейзера и два черно-красных шарфа из шерстяной шотландки. Кроме того, я вижу здесь несколько хлопчатобумажных толстовок на молнии с подкладкой и капюшонами, кучу толстых свитеров, плотную теплую куртку и еще два зимних полукомбинезона – на сей раз, к счастью, не ярко-розовых. Внизу стоят несколько пар новых туфель и теплых непромокаемых зимних сапог, а также большой ящик, похоже, полный книг и школьных принадлежностей.

– В ящиках твоего комода лежат носки, термобелье и флисовые куртки и штаны. Я подумала, что для тебя переехать сюда и так будет достаточно тяжело, и мне не хотелось, чтобы ты беспокоилась еще и об этом.

И вот так просто она ухитряется пробить брешь в первой линии моей обороны, мои глаза наполняются слезами, и я отвожу взгляд, быстро моргая в попытке скрыть, что я не что иное, как ходячая катастрофа.

Но у меня явно ничего не выходит, потому что Мэйси тихо вскрикивает, вмиг оказывается рядом и заключает меня в объятия, благоухающие кокосом. Здесь, в самом центре Аляски, этот аромат кажется неуместным, но он удивительно хорошо успокаивает.

– Грейс, я знаю, что это ужасно. Все это настоящая жесь, и мне так хочется тебе помочь. Хочется взмахнуть волшебной палочкой и сделать так, чтобы все стало как прежде.

Я только молча киваю, потому что в горле у меня стоит ком. И потому что мне нечего сказать. Разве только что мне хочется того же.

Как же невыносимо осознавать, что последние слова, которыми я обменялась с моими родителями, были произнесены в пылу ссоры, кажущейся мне теперь такой глупой.

Как невыносимо думать, что два часа спустя мой отец не справился с управлением, их машина упала с утеса и, пролетев несколько сотен футов, упала в океан.

Более всего мне хочется вновь ощутить аромат маминых духов и хотя бы один только раз вновь услышать низкий, грудной голос отца.

Я позволяю Мэйси держать меня в объятиях столько, сколько могу терпеть – наверное, всего секунд пять, – после чего отстраняюсь. Мне не очень-то нравятся прикосновения – так было всегда, а после гибели моих родителей это неприятие стало еще острее.

– Спасибо за... – я показываю рукой на кровать и стеной шкаф. – За все.

– Пустяки. И я хочу, чтобы ты знала – если тебе когда-нибудь захочется поговорить или хоть что-то понадобится, то я тут, рядом. Я понимаю, это не то же самое – ведь моя мать уехала, а не умерла. – Она с усилием сглатывает и, прежде чем продолжить, делает глубокий вдох. – Но я знаю, каково это – чувствовать себя одинокой. И умею слушать.

Сейчас она впервые заговорила о смерти. И о том, что случилось с моими родителями. И благодаря этому мне намного, намного легче искренне сказать ей спасибо, хотя сейчас я вспоминаю, что Джексон тоже не стал уваливать от этой темы. Пусть во всех других отношениях он и придурок, но, говоря о гибели моих родителей, он называл вещи своими именами. И не обращался со мной так, будто достаточно одного резкого слова – и я рассыплюсь на куски.

Наверное, поэтому я все еще продолжаю думать о нем, хотя мне следовало бы списать его со счетов.

Мэйси кивает, глядя на меня тревожным взглядом, отчего мне становится еще хуже.

– Наверное, мне надо распаковать вещи. – Я с отвращением смотрю на мои чемоданы. У меня такое чувство, словно я только что их запаковала, и в эту минуту мне совершенно не хочется доставать из них содержимое. Только не теперь, когда меня так манит моя ядовито-розовая постель.

– С этим тебе могу помочь я, – говорит Мэйси и показывает мне на дверь в противоположной стене. – Почему бы тебе не принять душ и не переодеться в пижаму? А я тем временем прослежу за тем, чтобы тебе доставили обещанный моим отцом суп, потом ты поешь, примешь таблетки и ляжешь спать. Будем надеяться, что, проснувшись, ты уже немного привыкнешь к здешней высоте.

– Это было бы... – Я и правда чувствую себя паршиво, и мне очень хочется принять душ. А также заснуть, ведь я так нервничала из-за предстоящего переезда на Аляску, что всю последнюю неделю почти не спала.

– Наверное, ты хочешь сказать, что это было бы чудесно? – подсказывает мне Мэйси.

– Да, именно это я и имела в виду.

– Вот и хорошо. – Она подходит к своему шкафу и достает пару полотенец. – Пока будешь в душе, тебе принесут сюда горячего супа, и надеюсь, что уже через полчаса ты почувствуешь себя куда лучше.

– Спасибо, Мэйси. От всего сердца.

Ее лицо освещает широкая улыбка.

– Всегда пожалуйста.

Пятнадцать минут спустя я уже вышла из душа, надев мою любимую пижаму – концертную футболку с изображением Гарри Стайлза, выпущенную по случаю его первого сольного тура, и синие флисовые штаны с рисунком из белых и желтых маргариток. И обнаруживаю, что Мэйси танцует под песню того же Гарри Стайлза «Watermelon Sugar».

Одно слово – кисмет.

Мэйси охает и ахает по поводу моей эксклюзивной футболки, как я и ожидала, но в остальном оставляет меня в покое. Если не считать ее настоящего напоминания о том, что мне надо целиком выпить большую бутылку воды и принять таблетки.

На моей тумбочке стоит миска куриного супа с лапшой, но сейчас у меня уже нет сил что-то есть. Я ложусь в кровать и натягиваю на голову ярко-розовую простыню и ярко-розовое одеяло.

Последнее, о чем я думаю перед тем, как погрузиться в сон, – это то, что, несмотря ни на что, сейчас мне впервые со дня гибели моих родителей не пришлось делать над собой усилие, чтобы не расплакаться в душе.

Глава 6

Мне правда не хочется лепить снеговика

Просыпаюсь я медленно, с туманом в голове и каменной тяжестью в теле. И только через секунду вспоминаю, где я нахожусь – на Аляске, – и понимаю, что наполняющий комнату тихий храп издает Мэйси, а не Хезер, в комнате которой я ночевала последние три недели.

Я сажусь на кровати, пытаюсь не замечать доносящиеся до меня непривычные звуки: вой, рык и рев – и даже время от времени истошные звериные вопли. От этих леденящих звуков психанул бы любой, а девушка, выросшая в городе, и подавно, но я успокаиваю себя тем, что между мною и здешними дикими зверями возвышается гигантская каменная стена...

Однако, если честно, мой мозг никак не может уgomониться не потому, что здесь, на Аляске, все кажется мне таким чужим. Да, здесь все диковинно, странно, но теперь, когда я заставила себя выкинуть из головы все помыслы о моей прежней жизни, меня разбудило отнюдь не это; я смотрю на часы – 3.23 ночи. И отнюдь не это не дает мне заснуть опять.

Все дело в нем.

В Джексоне Веге.

После того как он проигнорировал меня перед входом в коридор и я почувствовала злость, смутнение и такую острую обиду, что мне не хочется признаваться в ней даже себе самой, я смогла узнать о нем только одно – что он самый популярный парень в Кэтмире. И что он устрашающ... кроме шуток. Впрочем, об этом можно было догадаться и не имея хрустального шара.

Но все это не имеет значения, потому что я решила, что больше ничего не желаю о нем знать.

Как не желаю знать и его самого.

Но стоит мне закрыть глаза, и я вижу его так ясно. Его стиснутые зубы. Тонкий шрам, пересекающий лицо. Черный лед его глаз, в которых я на секунду – всего лишь на секунду – смогла увидеть, что о боли он знает не меньше, чем я сама. А может быть, и больше.

И сейчас, сидя в темноте, я в основном думаю именно об этом. Из-за этой его боли я беспокоюсь о нем, хотя мне должно быть все равно.

Интересно, откуда у него этот шрам? Одно ясно – наверняка это было ужасно. Жутко. Мучительно. Невообразимо.

Наверное, поэтому он и был так холоден со мной. Поэтому убеждал меня уехать, а когда я отказалась, в конце концов выдал это свое смехотворное и, должна признаться, немного обескураживающее предостережение.

По словам Мэйси, он устрашающий тип... Значит ли это, что он со всеми ведет себя так, как со мной? А если да, то почему? Просто потому, что он придурок? Или же его боль так велика, что справиться с ней он может, только внушая всем страх, чтобы держать их на расстоянии? Или, увидев шрам и сердитый взгляд, люди сами решают обходить его стороной?

Это ужасная мысль, но мне она абсолютно понятна. Нет, сама я не внушаю людям страх, но хорошо знаю, каково это, когда они предпочитают обходить тебя стороной. После смерти моих родителей почти все мои старые друзья отделились от меня. Осталась только Хезер. Это потому, объяснила мне ее мать, что гибель моих родителей напоминает им о том, что все мы смертны и что их близкие тоже могут умереть. Как и они сами.

Я понимала, что с точки зрения логики мать Хезер права – они просто-напросто пытались защитить себя единственным известным им путем. Но от этого их отчуждение не становилось менее мучительным. И чувство одиночества тоже.

Взяв с тумбочки телефон, я посылаю Хезер пару коротких сообщений – что мне следовало сделать еще раньше. В них я пишу, что добралась благополучно, и объясняю ей, что у меня горная болезнь.

Затем снова ложусь и пытаюсь заставить себя заснуть опять. Но теперь сна у меня нет ни в одном глазу и в голове неотвязно крутятся мысли об Аляске, школе и Джексоне, сливаясь воедино. Я пытаюсь выкинуть их из головы, но они не уходят.

И внезапно на меня наваливается все разом. Все мысли, которые я гнала от себя, добираясь сюда. О моих родителях, о том, что мне пришлось оставить Сан-Диего и моих друзей, об этом дурацком перелете до Хили. О том, что Мэйси надеется стать моей подругой, о том, как Джексон сначала смотрел на меня, а потом не смотрел, о том, что он мне сказал. О том, сколько одежек мне придется напяливать на себя, чтобы не замерзнуть. О том, что из-за здешних холодов я фактически заперта в этом замке.

Все это сливается в одну большущую карусель страха и сожалений, которая все крутится, крутится в моем мозгу. Ни одну из этих мыслей я не смогла бы сформулировать ясно, ни один из этих образов нельзя отделить от остальных, и моей душой безраздельно владеет сейчас только одно чувство – чувство обреченности, ощущение приближающегося конца.

Когда я так расписывалась в прошлый раз, мать Хезер сказала мне, что после подобной утраты вполне нормально испытывать эмоции, которые слишком сильны. Стеснение в груди, вихрь мыслей, трясущиеся руки, ощущение, что сейчас на меня обрушится весь мир и погребет меня под собой, – все это совершенно нормально. Мать Хезер психотерапевт, так что кому это знать, как не ей, но сейчас мне кажется, что мои нынешние ощущения все-таки не нормальны.

Они навевают жуть.

Я понимаю, что мне следует оставаться на месте: этот замок огромен и я понятия не имею, где тут что находится, но по опыту я знаю, что если буду и дальше торчать здесь, уставившись в потолок, то в конце концов заработаю полноформатную паническую атаку. Так что я делаю глубокий вдох и с усилием встаю. Надеваю кроссовки, хватаю толстовку с капюшоном и иду к двери.

Когда мне не спалось дома, я обычно выходила на пробежку, даже если на часах было три ночи. Но здесь об этом не может быть и речи. И не только потому, что снаружи стоит лютый холод, но и потому, что один бог знает, какой дикий зверь ждет меня там в этот ночной час. Недаром же все последние полчаса я слышала его вой, рык и рев.

Но замок велик, и в нем длинные коридоры. Пусть я, наверное, и не смогу по ним бегать, но могу хотя бы исследовать Кэтмир. И посмотреть, что мне удастся здесь найти.

Дверь за собой я закрываю осторожно, тихо – мне совсем не хочется разбудить Мэйси, которая была ко мне так добра, и иду по коридору, направляясь к лестнице.

Здесь еще более жутко, чем я ожидала. Я думала, что ночью коридоры будут ярко освещены – протоколы безопасности и все такое, – но это не так, света здесь почти нет. И мне чудится, что рядом движутся какие-то таинственные тени.

У меня мелькает мысль: может быть, лучше все-таки вернуться в комнату и забыть об исследовании замка? Это длится всего секунду, но опять запускает в моем мозгу мысленную карусель, и справиться с ней я не в силах.

Я достаю телефон и включаю его фонарик. Тени исчезают, и теперь этот коридор выглядит как любой другой. Если, конечно, не считать стены из грубо отесанного камня и старомодных гобеленов.

Я понятия не имею, куда иду, знаю только, что мне хочется поскорее покинуть этаж, где живут ученики. Мне тяжело думать даже об общении с Мэйси, а общаться с кем-то другим – для меня это сейчас было бы и вовсе невозможно.

Я без проблем добираюсь до длинной винтовой лестницы и, перешагивая через ступеньки, спускаюсь на первый этаж. После того как я приняла душ, Мэйси вскользь упомянула,

что именно там находится кафетерий, а также библиотека и несколько классов. Классы имеются и в других зданиях школы, но большая часть основных предметов преподается внутри замка, и лично меня это только радует. Чем меньше мне придется находиться вне помещения в такой мороз, тем лучше.

Здесь коридоры также увешаны гобеленами, потертыми и выцветшими от времени. Тот, который нравится мне больше всего, тянется во всю стену и полон ярких цветов. В нем переплетены фиолетовые, розовые, желтые, зеленые нити, и поначалу мне кажется, что это какая-то бессмыслица, но тут я освещаю фонариком более широкий участок и вижу, что на гобелене изображено северное сияние.

Мне всегда хотелось посмотреть на этот феномен, но из-за связанных с моим переездом на Аляску тревог я совсем позабыла, что здесь у меня есть отличная возможность понаблюдать его во всей красе.

Эта мысль заряжает меня особой энергией, и я иду к огромным парадным дверям, ведущим в передний двор. Я не так глупа, чтобы бродить по снегу в толстовке и пижамных штанах, но, быть может, я смогу высунуть голову наружу, чтобы поискать глазами северное сияние на ночных небесах.

Возможно, это плохая идея и мне следует вернуться в кровать и полюбоваться этим явлением в какую-нибудь другую ночь, но теперь, когда мысль о нем засела в моем мозгу, я уже не могу ее прогнать. Отец часто рассказывал мне о северном сиянии, и любованию им находилось на одном из первых мест в списке моих желаний. И теперь, когда оно, возможно, так близко, я просто не могу не посмотреть на него.

Я пользуюсь фонариком в телефоне, чтобы осветить путь к дверям. Поднимаю его, чтобы отпереть их, но тут обе двери вдруг распахиваются. И в них входят двое парней, одетых только в концертные ретрофутболки, джинсы и ботинки на шнурках. Ни курток, ни свитеров, ни даже толстовок. Только рваные джинсы производства фирм «Мотли Крю» и «Тимберленд». Ничего более дикого я еще не видала, и меня невольно посещает мысль, что, возможно, в этом замке, как в Хогвартсе, обитают привидения. Призраки тех, кто умер на каком-то рок-концерте 80-х годов.

– Нуте-с, нуте-с, нуте-с. Похоже, мы вернулись как раз вовремя, – говорит более высокий из парней. У него медная кожа, темные волосы, стянутые в хвост, а в носовую перегородку вставлено черное кольцо. – Что ты тут делаешь, Грейс? Почему ты не в кровати?

В его голосе есть нечто такое, от чего у меня по коже бегут мурашки.

– Откуда ты знаешь, как меня зовут?

Он смеется:

– Ты же новенькая, не так ли? Тут все знают, как тебя зовут. Грейс. – Он делает шаг, оказывается совсем близко от меня, и я могла бы поклясться, что он втягивает в себя мой запах, что опять-таки совершенно дико. И определенно не похоже на поведение призрака. – А теперь ответь на мой вопрос: что ты тут делаешь? Почему ты не в теплой кровати?

Я решаю не говорить ему о северном сиянии – тем более что я мельком видела небо, и оно представляет собой просто усыпанную звездами черноту, которую можно увидеть и в других частях света. Еще одно разочарование в длинной череде разочарований.

– Мне хотелось пить, – неумело лгу я, обхватив себя руками в попытке противостоять холоду, который проник в вестибюль вместе с ними, – и я решила поискать тут воды.

– Ну и как, нашла? – спрашивает второй парень. Он ниже первого и более коренаст, и какое-то время назад его светлые волосы явно были обриты.

Это кажется вполне невинным вопросом, вот только он подходит ко мне так близко, что вторгается в мое личное пространство, и мне надо решить, отступить или нет.

Я решаю отступить, в основном потому, что мне не нравится, как он смотрит на меня. И потому, что каждый шаг назад приближает меня к лестнице и, будем надеяться, к моей комнате.

– Да, нашла, спасибо, – пытаюсь говорить как ни в чем не бывало, лгу я. – И как раз собираюсь вернуться в кровать.

– Не дав нам возможности познакомиться с тобой? По-моему, это невежливо, тебе так не кажется, Марк? – спрашивает тот, у которого короткие волосы.

– Кажется, – отвечает Марк, который теперь также подобрался ко мне совсем близко. – Особенно если учесть, что в последние недели Фостер прожужжал нам все уши, рассказывая о тебе.

– Что ты хочешь этим сказать? – На миг я забываю о том, что мне страшно.

– А то, что он провел с нами три встречи на этот счет и каждый раз твердил, что мы должны быть пайньками. Прямо задолбал, верно, Куинн?

– Однозначно. Если он так о тебе беспокоится, не понимаю, почему он просто не оставил тебя там, где ты жила до сих пор. – Куинн протягивает руку и с силой дергает одну из моих кудряшек. Я хочу отстраниться, хочу оттолкнуть его и заорать, чтобы он отстал.

Но он явно не собирается от меня отставать. Этих двоих определенно раздражает тяга к насилию, впечатление такое, словно им отчаянно хочется разорвать кого-то на куски. И я совсем не хочу, чтобы этим кем-то стала я.

– Грейс, ты думаешь, что Аляска тебе по зубам? А вот я полагаю, что здешний естественный отбор чертовски быстро отсеет тебя.

– Я просто пытаюсь... хоть как-то закончить школу. Мне не нужны проблемы. – У меня так сжалось горло, что я едва смогла произнести эти слова.

– Проблемы? – Куинн смеется, но веселости в его смехе нет ни капли. – В чем дело, мы что, по-твоему, похожи на проблему?

Еще как. Точнехонько по толковому словарю. Я так и вижу там их фотки плюс большущий предупреждающий знак. Но вслух я этого не говорю

Собственно, я вообще ничего не говорю, в то время как мой мозг лихорадочно работает, пытаюсь отыскать выход из положения. Может, это сон? – думает какая-то часть моего сознания, ведь в любом фильме о подростках непременно найдется хоть одна сцена, в которой школьные хулиганы-притеснители решают поиздеваться над новым учеником или новой ученицей просто затем, чтобы показать ему или ей, кто в доме хозяин.

Но это не кино, и у меня нет иллюзий – я вовсе не воображаю, что могу быть хозяйкой хоть здесь, хоть где-то еще. Мне хочется сказать им правду, но, если я отвечу, это будет расценено как уступка, а все знают, что в разборке с хулиганом уступать не следует. Чем больше ты ему даешь, тем больше он пытается у тебя отхватить.

– Скажи мне, Грейс, ты видела снег? – говорит Марк, который теперь стоит уже так близко, что просто некуда. – Уверен, что прежде ты никогда не видела снега.

– По дороге сюда я навидалась его более чем достаточно.

– Со снегохода? Это не считается, верно, Куинн?

– Верно. – Куинн качает головой и ощеряет все зубы. – Тебе определенно надо рассмотреть его поближе. Покажи нам, что ты можешь.

– Что я могу? – Я понятия не имею, о чем они толкуют.

– Наверняка же в тебе хоть что-то есть. – На сей раз я уже уверена, что Марк обнюхивает меня. – Просто я никак не пойму что.

– Точно, – соглашается Куинн. – Я тоже пока не пойму, но надо думать, что-то в ней все-таки есть. Давай, Грейс, покажи нам, на что ты способна.

Он будто готовится к прыжку, и тут до меня доходит, что они собираются сделать. И в какой опасности я нахожусь.

Глава 7

Что-то злое к нам спешит⁵

Я резко разворачиваюсь, чувствуя прилив адреналина, и бросаюсь к лестнице. Но не успеваю пробежать и нескольких футов, как Марк вытягивает руку и хватает меня. Затем рывком притягивает к себе, так что моя спина касается его груди, а когда я начинаю вырываться, обхватывает мое тело обеими руками.

– Пусти! – Я пытаюсь лягнуть его пяткой в колено, но у меня ничего не выходит.

Может, стукнуть его больно по ступне? Но мои кроссовки «Конверс» не причинят никакого вреда ни его ботинкам, ни тем более его ступням.

– Пусти, или я закричу! – говорю я ему, пытаюсь – безуспешно – не выдать своего страха.

– Валяй, – отвечает он и тащит меня к входным дверям, одну створку которых уже держит Куинн. – Всем плевать.

Я бью его головой в подбородок, он чертыхается и, подняв одну руку, пытается зажать мою шею. Мне страшно, и в то же время я впадаю в ярость. Наклонив голову, я изо всех сил кусаю его руку.

Он дергается, вскрикивает и предплечьем с силой бьет меня по губам. Мне больно, и я чувствую во рту металлический вкус крови. Что бесит меня еще больше.

– Прекрати! – ору я, вырываясь и изо всех сил лягая его по ногам. Я не могу позволить им вытащить меня за дверь. Не могу. На мне нет ничего, кроме толстовки и флисовых штанов, а снаружи сейчас, наверное, градусов десять⁶. С моей калифорнийской кровью я уже минут через пятнадцать что-нибудь себе отморожу или заработаю гипотермию – это если мне повезет.

Но Марк не отпускает меня, и его руки сжимают мое тело, как стальные обручи.

– Убери от меня свои лапы! – истошно воплю я, надеясь, что на сей раз мне удастся кого-нибудь разбудить. Кого угодно. А лучше вообще всех. И одновременно со всей мочи бью его головой в лицо, очень рассчитывая сломать ему нос.

Должно быть, я попала, думаю я, потому что он, ругнувшись, отпускает меня. У меня подгибаются ноги, я падаю на колени и тут вижу, что Марк, выпучив глаза, отлетает прочь и врезается в дальнюю стену вестибюля.

Но у меня нет времени раздумывать над тем, как это может быть, потому что он тут же приходит в себя и несется обратно, напрямик ко мне. Я поворачиваюсь, чтобы бежать, поднимаю кулаки, чтобы отразить атаку Куинна, если он попытается остановить меня, но вдруг вижу, что и он отлетает к противоположной стене. Врезается он не в нее, а в стоящий возле нее книжный шкаф, и упавшая с верхней полки ваза падает ему на голову и разлетается вдребезги.

Я оглядываюсь по сторонам, ища глазами путь отхода, но Марк проворен, чертовски проворен, и вот он уже снова стоит между лестницей и мной. Я поворачиваюсь направо, пытаюсь решить, куда бежать, и наталкиваюсь на стену из мышц.

Черт. Выходит, теперь их уже трое? На меня накатывает паника, и я пытаюсь оттолкнуть третьего парня. Но он не сдвигается ни на дюйм. Во всяком случае, до тех пор, пока его рука не смыкается вокруг моего запястья и не дергает меня вперед.

Только теперь, когда он подтянул меня к себе, я вижу его лицо и понимаю, что это Джек-сон.

Не знаю, что я должна испытывать – облегчение или еще больший страх.

⁵ Уильям Шекспир. «Макбет», акт 4, сцена 1, слова второй ведьмы: «Палец у меня зудит. Что-то злое к нам спешит» (пер. Сергея Соловьева).

⁶ 10 градусов по Фаренгейту = – 12, 22 градуса по Цельсию.

Не знаю до тех пор, пока он рывком не задвигает меня за свою спину и не встает между мною и остальными двумя, похоже, собираясь дать им отпор.

Теперь на лицах Марка и Куинна отражается уже не беспокойство, а настоящий страх.

– У вас тут что, проблемы? – спрашивает Джексон. Голос его звучит хрипло. И холоднее, чем сугроб, который намело у входных дверей.

– Никаких проблем, – говорит Марк, выдавив из себя смешок. – Мы просто пытались познакомиться с новенькой, вот и все.

– Это что же, теперь покушение на убийство называется попыткой познакомиться? – Он не повышает голос, не делает вообще ничего, что можно было бы расценить как угрозу, но мы все вздрагиваем, ожидая, что сейчас неминуемо последует подвох.

– Мы бы не стали делать ей ничего плохого, – высоким хнычущим голосом говорит Куинн – как же это не похоже на его тон несколько минут назад, когда тут были только они двое и я. Но слова он произносит внятно, язык у него не заплетается, так что ваза, по-видимому, не причинила его голове большого вреда. – Мы просто собирались вытолкнуть ее наружу на несколько минут.

– Ага, – добавляет Марк. – Это была просто шутка. Пустяк.

– Вы так называете эту вашу тупую затею? – осведомляется Джексон. Тон его стал еще холоднее. – Вы же знаете правила.

Не знаю, о каких таких правилах он толкует и почему говорит так, словно он лично обеспечивает их неукоснительное соблюдение, но от этих его слов Марк и Куинн съеживаются еще больше. Им явно здорово не по себе.

– Прости нас, Джексон. Мы только что вернулись с пробежки, но все пошло немножко не так.

– Извиняться вы должны не передо мной. – Он поворачивается и протягивает мне руку.

Мне нельзя ее брать, думаю я. Все то, что я выучила на занятиях по самообороне, во весь голос кричит в моей голове, что сейчас мне надо бежать. Что надо использовать передышку, которую дает мне Джексон, чтобы мчаться в мою комнату со всех ног.

Но в его обсидиановых глазах кипит такой лютый гнев, что я инстинктивно понимаю – он повернулся ко мне и предложил руку, чтобы скрыть его от этих двух парней. Почему он это сделал, я не знаю, – знаю только, что он не хочет, чтобы они узнали, насколько он взбешен. А может быть, ему не хочется, чтобы они узнали, что он так взбешен из-за меня.

Как бы то ни было, сейчас он меня спас, и я его должница. Я смотрю ему в глаза, взглядом давая понять, что сохранию его секрет.

А затем я делаю то, о чем он просит меня без слов, и выхожу вперед. Нет, я не беру его руку – после того, что он сказал и сделал вечером, это было бы слишком, – но я все же делаю несколько шагов вперед, зная, что он не позволит Марку или Куинну причинить мне вред.

Должно быть, я подошла к нему слишком близко – он немного сдвигается с места, и устремив на Марка и Куинна ледяной взгляд, приказывающий им вести себя хорошо. Но это, наверное, уже излишне, поскольку они и так выглядят пристыженными.

– Прости, Грейс, – говорит Марк. – С нашей стороны это было совершенно беспонтово. Мы не хотели тебя напугать.

Я молчу, потому что однозначно не желаю говорить им, что то, что они сделали, это пустяк. Но мне не хватает храбрости сказать им, чтобы они убирались к черту, даже теперь, когда Джексон загораживает меня собой. А посему я делаю то единственное, что могу сделать. Смотрю на них каменным взглядом, желая, чтобы их смехотворные извинения побыстрее завершились и я наконец смогла уйти к себе.

– Ну, ты же понимаешь. – Куинн показывает на потолок. – Действие полной луны и все такое, вот мы и...

Неужели им больше нечего сказать? Действие полной луны? Я понятия не имею, что это значит, но, что бы это ни означало, мне все равно. Я сыта по горло и этим местом, и всеми, кто в нем есть. Кроме Мэйси, дяди Финна и – может быть – Джексона.

– Я возвращаюсь в кровать. – Я поворачиваюсь, чтобы уйти, но пальцы Джексона опять смыкаются на моем запястье.

– Подожди. – Это первое слово, которое он сказал мне после того, что произошло, и останавливает меня скорее именно оно, чем его рука на моем запястье.

– Зачем? – спрашиваю я.

Джексон не отвечает, вместо этого он просто поворачивается к Марку и Куинну и роняет:

– Это еще не конец.

Они кивают, но больше ничего не говорят. Но, должно быть, эти его слова представляют собой не только угрозу, но и приказание немедленно удалиться, потому что они бросаются к лестнице, причем я никогда еще не видела, чтобы кто-то бегал так быстро.

Мы оба смотрим им вслед, затем Джексон поворачивается ко мне. Несколько долгих секунд он не произносит ни слова, только окидывает меня своими темными глазами с головы до ног, словно каталогизируя каждый мой дюйм. Под этим его взглядом мне становится неуютно – не так, как под взглядам Марка и Куинна, но все же. Тогда я чувствовала, что они ищут во мне слабости, чтобы использовать их, теперь же мне вдруг кажется, что в вестибюле стало жарко, и мне неловко оттого, что на мне надеты мои самые старые и поношенные пижамные штаны.

Я еще никогда не испытывала таких чувств и не знаю, что они значат.

– Ты в порядке? – тихо спрашивает он, наконец отпустив мое запястье.

– Да, со мной все хорошо, – отвечаю я, хотя далеко не уверена, что так оно и есть. Что же это за школа такая, где тебя выталкивают на мороз и верную смерть просто затем, чтобы пошалить?

– Что-то не похоже, что с тобой все хорошо.

Эти слова не очень-то приятно слышать, хотя я понимаю, что он прав.

– Ну, честно говоря, последние дня два были довольно паршивыми.

– Не сомневаюсь. – Он смотрит на меня, и лицо его серьезно. – Тебе не надо беспокоиться насчет Марка и Куинна. Они больше не станут тебе досаждать. – Он не произносит слов «я об этом позабочусь», но я слышу их все равно.

– Спасибо, – вырывается у меня. – Спасибо, что помог.

Его брови ползут вверх, а глаза, кажется, становятся еще темнее.

– Ты думаешь, я тебе помог?

– А разве нет?

Он качает головой, смеется, и от его смеха у меня замирает сердце.

– Ты вообще ничего не понимаешь, да?

– Не понимаю чего?

– Что я только что сделал тебя пешкой в игре, которую тебе не понять.

– Ты считаешь это игрой? – не веря своим ушам, говорю я.

– Я знаю, что это такое. А ты?

Я жду, чтобы он сказал что-то еще, объяснил свои непонятные слова, но он просто молча смотрит на меня неподвижным взглядом, пока мне не становится немного не по себе. Так на меня еще никто не смотрел – можно подумать, что он никак не может решить, совершил ли он ошибку, спасши меня от неминуемой смерти.

А может, он попросту не может решить, что сказать. Тогда он не одинок.

Но в конце концов он просто говорит:

– У тебя идет кровь.

– В самом деле? – Я касаюсь рукой ноющей щеки, в которую врезалось плечо Марка, когда я вырывалась из его хватки.

– Нет, не там. – Он протягивает руку и легко – так легко, что я почти не чувствую его прикосновения, проводит большим пальцем по моей нижней губе. – Здесь. – Он поднимает палец, и в тусклом свете я вижу краснеющую на нем кровь.

– Вот жуть! – Я тяну руку, чтобы стереть ее. – Позволь мне...

Он смеется, подносит палец к губам и, глядя мне в глаза, кладет палец в рот и медленно отсасывает кровь.

Это кажется мне самой чувственной вещью, которую я когда-либо видела в жизни, но я не понимаю почему. Разве такое не должно было навести на меня жути?

Возможно, все дело в том, как загораются его глаза, когда он чувствует вкус моей крови.

А может быть, в чуть слышном звуке, который он издает, проглотив ее.

А может, в том, что этот его жест – то, как он мазнул большим пальцем по моим губам, а затем поднес его к своим собственным, – кажется мне куда более интимным, чем любой поцелуй с кем-то из других парней.

– Тебе надо идти. – Эти слова звучат так, будто они исторгнуты против воли.

– Прямо сейчас?

– Да, сейчас. – Его лицо нарочито бесстрастно, как будто он изо всех сил старается не показать мне, о чем думает на самом деле. Или что чувствует. – И после полуночи я настоятельно советую тебе оставаться в твоей комнате, где тебе самое место.

– Оставаться в моей... – Я ошетиливаюсь, когда до меня доходит, на что он намекает. – Ты что же, хочешь сказать, что в том, что произошло, виновата я сама?

– Что за чушь! Конечно же нет. Им следует лучше контролировать себя.

Странная формулировка, если он имеет в виду, что им не следует нападать на людей и пытаться их убить. Я хочу сказать ему это, но он продолжает прежде, чем мне удастся подобрать нужные слова.

– Но я тебя уже предупреждал, что здесь тебе надо быть осторожной. Кэтмир не похож на твою прежнюю старшую школу.

– Откуда ты можешь знать, на что была похожа моя прежняя старшая школа?

– Этого я не знаю, – говорит он с самодовольной ухмылкой. – Но я совершенно уверен, что она была совсем не такой, как Кэтмир.

Джексон прав, разумеется прав, но я не хочу идти на попятный.

– Ты не можешь этого знать.

Он подается вперед, словно ничего не может с собой поделать, так что его лицо, его губы оказываются в дюйме от моих. И я снова понимаю, что от этого мне должно быть не по себе, но ничего такого я не чувствую, вместо этого его близость просто обжигает меня. И когда у меня начинают дрожать колени на сей раз, это уже не оттого, что я боюсь.

Мой рот приоткрывается, у меня перехватывает дыхание, а сердце начинает биться все быстрее. Он чувствует это – я вижу это по его расширившимся зрачкам, по настороженному взгляду, слышу по его хриплому дыханию, чувствую по чуть заметной дрожи его тела. На мгновение – только на мгновение – мне кажется, что сейчас он поцелует меня. Но тут он наклоняется не к моим губам, а к моему уху, касается его. И у меня возникает такое чувство, словно он обнюхивает меня, как это делали Марк и Куинн, хотя теперь это производит на меня совершенно иной эффект.

– Ты понятия не имеешь, что я могу знать, – тихо говорит он.

От его теплого дыхания у меня захватывает дух, я чувствую, что таю, и мое тело само собой принакает к его телу.

Проходит одна секунда, другая, руки Джексона лежат на моей талии, плечи наклонены ко мне. Но вот он уже отстранился, отступил назад так быстро, что я едва не падаю, лишившись опоры.

– Тебе надо идти, – повторяет он, и голос его звучит еще тише и резче, чем прежде.

– Что, сейчас? – Я опять не верю своим ушам.

– Да, прямо сейчас. – Он кивком показывает на лестницу, и я вдруг обнаруживаю, что ноги сами несут меня туда, хотя осознанного решения уйти я не принимала. – Иди в свою комнату и запри дверь.

– По-моему, ты сказал, что мне больше не надо беспокоиться насчет Марка и Куинна. Или не сказал? – бросаю я через плечо.

– Да, не надо.

– Тогда почему же я должна... – Я осекаюсь, поскольку сознаю, что говорю сама с собой. – Джексон уже исчез. Опять.

Я невольно начинаю гадать, когда мне удастся увидеть его вновь. И почему видеть его для меня так важно.

Глава 8

Живи и дай умереть

Чтобы не соврать, я немного потрясена. Когда я снова оказываюсь в моей комнате, часы показывают уже почти пять утра. Мне ужасно не хочется опять ложиться в кровать и смотреть в потолок, пока не проснется Мэйси, но у меня также пропало всякое желание бродить по школе – ведь если бы не Джексон, я вполне могла бы умереть.

А поскольку мне также не хочется рассчитывать на то, что он спасет меня опять, если я окажусь в очередной дикой ситуации, лучше всего мне, пожалуй, будет в самом деле остаться в моей комнате. Надо подождать, когда проснется Мэйси, и спросить ее, что она думает о том, что произошло. Правда, если она скажет только: «Боже мой, какого хрена?!» – я возьму мои неразобранные чемоданы и вернусь в Сан-Диего. Лучше уж прожить следующие восемь месяцев за счет семьи Хезер, чем просто-напросто умереть. Во всяком случае, мое мнение именно таково.

Тем более что в Сан-Диего меня не мучает горная болезнь.

Я на цыпочках иду по комнате, когда на меня вдруг нападает тошнота, и я с трудом добираюсь до кровати, издав при этом тихий стон.

Видимо, Мэйси услышала его, поскольку она вдруг говорит:

– Уверю тебя, твоя горная болезнь скоро пройдет.

– Дело не только в горной болезни, а во всем вообще.

– А, понятно, – только и отвечает она, и между нами опять повисает молчание. Наверняка она молчит, потому что хочет дать мне возможность разобраться в путанице моих мыслей и решить, хочу ли я делиться ими с ней.

Я гляжу на нависающий надо мною серый каменный потолок, затем делаю глубокий вдох.

– Просто... Аляска – это как другая планета, ты меня понимаешь? Здесь все так не похоже на мои родные места, что мне будет тяжело привыкнуть. – Обычно я не изливаю душу перед теми, кого едва знаю, куда проще держать все в себе, но Мэйси здесь самый близкий мне человек. И у меня такое чувство, словно если я сейчас с кем-то не поговорю, то просто-напросто взорвусь.

– Я тебя понимаю. Сама я прожила здесь всю жизнь, но иногда даже мне все вокруг кажется чудным. А ты пробыла в нашем штате всего двенадцать часов и большую часть этого времени чувствовала себя паршиво. Знаешь, потерпи несколько дней, дождись, когда у тебя пройдет горная болезнь, сходи на пару уроков. Возможно, когда все войдет в колею, Аляска уже не будет казаться тебе такой уж странной.

– Ты, конечно, права. И когда я проснулась, все не казалось мне таким уж ужасным, пока не... – Я замолкаю, пытаюсь подобрать слова, чтобы описать то непонятное, что сейчас произошло.

– Пока не случилось что? – Она откидывает одеяло и встает.

– Я знаю, это очень большая школа, но все же ты, случайно, не знаешь двух парней по имени Марк и Куинн? – спрашиваю я.

– Смотря кого ты имеешь в виду. У одного из них в носовую перегородку вставлено кольцо?

– Да. Черное и большое. – Я подношу руку к носу.

– Тогда я их знаю. Они учатся в одиннадцатом классе, как и я. Хорошие ребята, юморные. Один раз... – Должно быть, у меня делается каменное лицо, поскольку она вдруг осекается. – Вообще-то сдается мне, что сейчас я должна спросить тебя, откуда ты знаешь этих двоих.

– Возможно, они просто дурачились, но... я почти уверена, что они пытались меня убить. А если не убить, то напугать до смерти.

– Они пытались что? – вскрикивает она, едва не уронив бутылку воды, которую только что достала из холодильника, чтобы дать мне. – Расскажи мне все, что произошло. И не пропускай ни одной детали.

Она настаивает, и я подробно рассказываю ей всю историю, пока не дохожу до того момента, когда Джексон меня спас. Не знаю точно, какие именно чувства вызывает у меня этот эпизод и какие чувства вызывает во мне Джексон, но я пока не готова об этом говорить. И однозначно не готова выслушивать то, что об этом скажет Мэйси. К тому же я вроде как дала молчаливое согласие держать по меньшей мере что-то из этого в тайне, хотя должна признаться, что теперь, когда я вновь оказалась в моей комнате, я уже не совсем уверена, что тот обмен взглядами мне не привиделся.

– И что же было потом? – спрашивает Мэйси, когда я замолкаю. – Как тебе удалось от них спастись?

– Кто-то услышал шум и спустился, чтобы выяснить, что к чему. Когда эти двое смекнули, что в этой истории появился свидетель, это быстро охладило их пыл.

– Еще бы. Вот придурки. Чего им точно совсем не хочется, так это чтобы об их проделках доложили моему отцу. Но об этом им надо было думать до того, как они на тебя напали. Честное слово, я убью их своими собственными руками.

Она так взбешена, что, наверное, могла бы осуществить свою угрозу.

– О чем они только думали? И они даже не знают тебя, так с чего им было на тебя нападать? – Она встает и начинает ходить взад и вперед. – У тебя же могла развиться гипотермия, а если бы они оставили тебя на морозе дольше десяти минут, ты вообще могла бы погибнуть. Это просто какая-то дичь. Да, они немного необузданны, энергия в них бьет через край, но прежде я никогда не замечала в них порочности или злобы.

– Да, это в самом деле не имеет смысла. Я начинаю думать, что они находились под воздействием какой-то дури, потому что иначе никак не объяснишь, почему они бродили на морозе в одних джинсах и футболках. Не понимаю, как они не заработали гипотермию?

– Не знаю, – говорит Мэйси, но видно, что ей неловко, – может, у нее есть сведения о том, что они принимают наркотики? Или она считает, что у меня глюки, раз я сказала, что они выходили на мороз без зимней одежды? Но я знаю, что видела. На этих парнях определенно не было никаких теплых вещей.

– Может быть, они выходили только на пару минут, – заключает она наконец, протягивая мне две таблетки эдвила. – Но в любом случае мой отец дознается, в чем тут суть.

Мне хочется попросить ее ничего не рассказывать дяде Финну, ведь быть новенькой и так несладко, а тут меня еще сочтут ябедой. Но всякий раз думая о том, что могло произойти – и наверняка произошло бы, не вмешайся в дело Джексон, – я понимаю, что дядя Финн должен об этом узнать. Иначе им ничто не помешает сделать то же самое с кем-то другим.

– Может, ты еще поспишь? – спрашивает Мэйси. – Если не хочешь есть.

Мой желудок начинает протестовать при одной мысли о еде, и я говорю:

– Есть мне не хочется. Но вряд ли у меня получится заснуть. Думаю, мне лучше сейчас распаковать чемоданы и приготовить то, в чем я буду ходить сегодня.

– Не беспокойся насчет чемоданов. Я их уже разобрала.

– Когда же ты успела?

– После того как ты заснула. Я подумала, что, если тебе не понравится, как я разложила твои вещи, ты сможешь переложить их потом. Но так все они хотя бы будут у тебя под рукой.

– Ты не обязана была это делать, Мэйси.

– Знаю, что не обязана. Но ты так паршиво себя чувствуешь, и я решила, что небольшая помощь тебе бы не помешала. К тому же сегодня у нас намечена вечеринка и тебе будут нужны принадлежности для макияжа и средства для волос.

Не знаю, что забавляет меня больше – это ее небрежное упоминание о том, что сегодня она рассчитывает повести меня с собой на вечеринку, или уверенность, что на мне будет настоящий макияж, хотя, кроме туши для ресниц и блеска для губ, в моей косметичке ничего нет.

Если учесть, что даже вчера, когда мы ехали на снегоходе по здешней глуши, Мэйси была ярко накрашена, можно представить себе, как она будет выглядеть на сегодняшней вечеринке.

– А что это за вечеринка? – спрашиваю я, свернувшись клубком под ярко-розовым стеганым пуховым одеялом, которое нравится мне все больше и больше, – наверное, потому, что оно мягче и удобнее, чем любое другое, которое я когда-либо имела.

– Она устраивается в твою честь – чтобы поприветствовать тебя в Кэтмире.

– Что? – Я сажусь так быстро, что у меня начинает болеть голова. – В мою честь? Ты это серьезно?

– Ну, вообще-то раз в месяц в школе устраивается вечеринка с угощением в целях укрепления единства учеников. И мы просто решили сделать ее более похожей на праздник – в честь тебя.

– А, ну да. Ведь все здешние ученики приняли меня так радушно. – Я зарываюсь лицом в подушку и издаю стон.

– Не все они плохие, честное слово. Посмотри хотя бы на Флинта. Ведь он прелесть, правда?

– Правда. – Я улыбаюсь, вспомнив, как он поддразнивал меня, называл Новенькой.

– Большинство тех, кого ты тут встретишь, будут такими, как он, а не такими, как Марк и Куинн. Вот увидишь. – Она вздыхает: – Но, если ты не хочешь идти, мы не пойдем. Я все отменю. Скажу всем, что тебя слишком уж мучает горная болезнь. И мне даже не придется врать.

Она изо всех сил старается не показать своего разочарования, но я слышу его в ее голосе, даже уткнувшись лицом в подушку.

– Не надо, не отменяй, – говорю я. – Раз уж у меня хотя бы нет рвоты, я пойду.

Раньше или позже мне все равно придется встретиться с учениками элитарной частной школы. Так лучше покончить с этим делом сегодня, когда они будут находиться под присмотром взрослых и, надо полагать, станут вести себя примерно. А посему вероятность того, что меня вытолкнут в снег или выкинут в окно, все-таки будет поменьше... Я содрогаюсь. Неудачная шутка.

– Класс! – Мэйси плюхается рядом со мной на кровать и протягивает мне бутылку воды. – Не забывай, сейчас вода – твой лучший друг, – говорит она, подмигнув мне.

– Не хочу, – хнычу я.

– Пей, ведь это необходимо. Когда у тебя горная болезнь, нужно пить как можно больше воды. Если ты, конечно, не хочешь заработать отек легких или мозга, что, к твоему сведению, может убить тебя почти так же быстро, как гипотермия.

– В самом деле? – Я картинно закатываю глаза, но беру бутылку и залпом выпиваю половину ее содержимого. – Тебе кто-нибудь когда-нибудь говорил, что ты куда упрямее, чем кажешься?

– Да, мой бойфренд. Но, по-моему, ему нравится мое упрямство, хотя он и пытается это скрыть.

– Рада за него. – Я делаю еще один долгий глоток. – У тебя тут есть Нетфликс?

– Шутишь? – Она вперяет в меня многозначительный взгляд. – Я ведь живу на горе в самом центре Аляски. Без Нетфликса я бы просто умерла.

– Ясно. Как насчет того, чтобы посмотреть «Наследие»? Мы с моей лучшей подругой Хезер начали смотреть его на прошлой неделе.

Глаза Мэйси округляются:

– Говоришь, «Наследие»?

– Ага. Это по-настоящему крутой сериал о юных вампирах, ведьмах и оборотнях, которые учатся и живут в одной школе-пансионе. Я знаю, это звучит немного глупо, но сериал классный.

– Мне это вовсе не кажется глупым. – Мэйси кашляет. – Так что я присоединюсь. Ведь кто может устоять перед привлекательным вампиром?

Мы начинаем смотреть сериал с первой серии, чтобы Мэйси поняла, что к чему. И пока мы смотрим, как сводный брат главной героини становится оборотнем, я невольно думаю о том, что Марк и Куинн говорили насчет полной луны. Но я знаю – им просто был нужен яркий лунный свет, чтобы даже ночью хорошо видеть здешнюю глушь.

Конечно, я это знаю.

Однако после двух разговоров с Джексоном, в каждом из которых он в конце концов пытался меня припугнуть, мне трудно не гадать, во что же я ввязалась.

Глава 9

На группы поделен даже ад

– Стой смирно, – говорит мне Мэйси, шлепая меня по рукам. Мы с ней готовимся отправиться на вечеринку. – Вид у тебя – просто отпад.

– Ты в этом уверена? – Я открываю дверцу моего стенного шкафа и с тех пор, как оделась, наверное, в десятый раз гляжу на свое отражение в большом зеркале

– Абсолютно. Это платье смотрится на тебе потрясающе. Это именно твой цвет.

Я закатываю глаза:

– Я беспокоюсь не из-за цвета.

– Тогда из-за чего же?

– Ну, не знаю. – Я пытаюсь подтянуть декольте вверх. – Может, из-за того, что мои груди в любую минуту могут выпасть? И испортить все впечатление?

Моя двоюродная сестра смеется.

– О боже! Это платье великолепно. И ты выглядишь в нем так шикарно.

– Да, платье великолепно, – соглашаюсь я. Потому что так оно и есть. На тоненькой фигурке Мэйси оно бы, вероятно, выглядело вполне пристойно, но когда его надела я, стало ясно, что дело осложняют мои пышные груди. – Если за вечеринку я ни разу не сделаю ни одного глубокого вдоха, все еще может обойтись.

– Послушай, возможно, ты могла бы надеть вместо него джинсы, как собиралась вначале. – Мэйси подходит к моей кровати и берет их. – Мне не хочется, чтобы ты чувствовала себя не в своей тарелке.

Это соблазнительное предложение, весьма соблазнительное.

– А кто-то из остальных девушек будет одет в джинсы?

– Не все ли равно, во что будут одеты остальные?

– Полагаю, это значит нет. – Я в последний раз тяну вырез платья вверх, после чего закрываю дверцу стенного шкафа. – Пойдем, пока я не передумала и не решила вместо вечеринки весь вечер запоем смотреть Нетфликс.

Мэйси обнимает меня:

– Ты такая красивая. Пойдем оторвемся.

Я опять закатываю глаза – сегодня уже во второй раз, потому что красивой меня можно назвать только с большой натяжкой: с моими кудрявыми темно-рыжими волосами, самыми обыкновенным карими глазами и россыпью веснушек на носу и щеках меня можно назвать какой угодно, только не красивой.

В лучшем случае ко мне подходит слово «миловидная». Но рядом с такой красоткой, как Мэйси, я кажусь чем-то вроде обоев. Причем скучных и безликих.

– Ну же, пошли. – Она хватает мое запястье и рывком тянет меня к двери. – Если мы задержимся здесь еще на какое-то время, то придем на эту вечеринку в твою честь не просто поздно, как принято в свете, а безнадежно поздно.

– Мы могли бы пропустить ее вообще, – говорю я, хотя и не мешаю ей тянуть меня к двери.

– Поезд ушел. – Она улыбается несносной улыбкой. – Нас уже все ждут.

– Ну да, конечно. – Несмотря на мой сарказм, я все же подхожу к двери. Чем раньше мы явимся на эту вечеринку, тем скорее все закончится.

Но как только я раздвигаю нити хрустальных бусин, украшающих нашу дверь, как Мэйси говорит:

– Подожди, дай я их подержу. Не хочу, чтобы ты получила удар током. Прости, вчера это совсем вылетело у меня из головы.

– Удар током? Что-то я не въезжаю.

– Они всех бьют током. – Она склоняет голову набок и удивленно смотрит на меня: – Разве ты это не почувствовала, когда выходила сегодня ночью?

– Э-э, нет. – Я зажимаю в кулаке несколько нитей бус.

– Ты правда ничего не ощущаешь? – спрашивает Мэйси.

– Правда. – Я смотрю на свои любимые кеды «Конверс» с изображениями роз. – Может, это из-за моей обуви.

– Возможно. – Но на лице ее мелькает сомнение. – Ну все, пошли.

Она закрывает дверь, затем несколько раз проводит руками по ниткам бус, словно пытается заработать удар током. Это, конечно, полная чушь, но со стороны выглядит именно так.

– Послушай, – говорю я, когда она оставляет свои непонятные попытки, – на что тебе вообще сдался занавес из бус, который накапливает статическое электричество и бьет током каждого, кто дотрагивается до него?

– Не каждого, – отвечает она, бросив на меня выразительный взгляд. – Просто он красивый. Это же элементарно.

– А, ну да.

Идя по коридору, я не могу не любоваться лепным бордюром на стенах под потолком. Он черный, с золотыми цветами, на стеблях которых виднеются шипы, и выглядит изысканно, но немного жутковато. Хотя не так жутковато, как потолочные светильники, каждый из которых выполнен в виде трех черных цветов, обращенных лепестками вниз и соединенных друг с другом изогнутыми шипастыми стебельками. В центре каждого такого светильника имеется позолоченная лампочка, полускрытая свешивающимися лепестками.

Получается мрачно, но красиво, и хотя я бы однозначно не согласилась поместить нечто подобное в мою комнату, надо признать, что местный декор выглядит ошеломляюще и величественно.

Из-за этого я почти не замечаю, что, когда мы спускаемся на третий этаж, оказывается, что трепет в моей груди прошел. Это явный прогресс. Правда, от здешней высоты у меня по-прежнему немного болит голова, но можно сказать, что пока что таблетки делают свое дело.

Остается надеяться, что так будет и впредь.

Мэйси сказала, вечеринка устроена в мою честь, но я очень надеюсь, что она и сегодня пройдет как всегда. Моя цель заключается в том, чтобы отучиться этот год, оставаясь как можно более незаметной, а вечеринка, на которой я должна быть гвоздем программы, не очень-то вписывается в этот план. Вернее, вообще сводит его на нет.

Когда мы приближаемся к дверям, я вцепляюсь в запястье Мэйси:

– Ты же не станешь заставлять меня стоять перед всеми столбом, верно? Мы будем просто ходить по залу и общаться, да?

– Однозначно. То есть папа, наверное, скажет приветственную речь, но она будет недолгой.

Ну, конечно, он произнесет речь, почему бы не произнести? С тем же успехом он мог бы нарисовать на моей спине мишень. Что за жизнь!

– Брось, не надо так беспокоиться. – Остановившись перед дверями, украшенными искусной резьбой, Мэйси обнимает меня. – Все будет хорошо, я тебе обещаю.

– По мне, так пусть это хотя бы не превратится в полную катастрофу, – говорю я, хотя не питаю особых надежд. На меня словно давит тяжелый камень, и я остро чувствую, как превращаюсь в ничто.

И виновата в этом не школа – это продолжается весь последний месяц. Просто оттого, что я оказалась на Аляске, все стало еще хуже.

– Все пройдет великолепно, – говорит Мэйси и берет меня под руку. Затем энергично распахивает обе двери и заходит с таким видом, будто она здесь хозяйка.

И возможно, так оно и есть. По тому, как все поворачиваются и смотрят на нее, можно вполне сделать такой вывод. И тут я сознаю, что мои худшие кошмары стали явью – все присутствующие пялятся на меня. И похоже, я ни на кого из них не произвожу впечатления.

А посему я решаю сосредоточить внимание на убранстве зала, которое просто потрясает. Я никак не могу решить, на что смотреть в первую очередь, и потому окидываю взглядом все сразу – черно-красные обои в стиле барокко, трехъярусные чугунные люстры с затейливыми рожками, с которых свисает черный хрусталь, роскошные кресла с красной обивкой и столы со столешницами из черного сукна, занимающие заднюю часть зала.

Через каждые пять футов или около того на стенах чернеют канделябры, в которых, кажется, горят настоящие свечи. Я подхожу поближе и не могу не восхититься – каждый канделябр выполнен в форме дракона, причем все эти драконы разные. Вот дракон, раскинувший крылья перед изысканным кельтским крестом, вот другой, свернувшийся на вершине башни замка, вот еще один, летящий. У каждого дракона в разинутой пасти мерцает свеча – да, это настоящее пламя.

Как же моему дяде сходит с рук такое – ведь ни один начальник пожарной инспекции ни за что не разрешит, чтобы в школе, в помещении, где находятся ученики, без присмотра персонала горели свечи. Правда, мы находимся у черта на куличках, в самом сердце Аляски, так что трудно себе представить, что начальник пожарной инспекции действительно явится в Кэтмир с внеплановой проверкой.

Мэйси тянет меня за руку, и я нехотя позволяю ей оторвать меня от созерцания драконов и повести дальше. Подняв взгляд, я обнаруживаю, что потолок здесь тоже выкрашен в красный цвет, а по верхним краям стен проходит все тот же черно-золотой бордюр.

– Ты что, собираешься весь вечер пялиться на декор? – тихим шепотом подкалывает меня Мэйси.

– Может, и собираюсь. – Неохотно оторвав взгляд от потолка, я сосредоточиваю его на стоящих вдоль фасадной стены фуршетных столах, на которых стоят подносы с сырами, пирогами, сэндвичами, фруктами и напитками.

Но ни у одного из этих столов никто не стоит, как почти никто не сидит за столиками. Вместо этого ученики стоят группами в разных частях зала. Это стремление к обособлению – единственное, что мне кажется тут знакомым. Учишься ли ты в самой обыкновенной старшей школе в Сан-Диего или в элитарной школе-пансионе на Аляске – везде ученики сбиваются в обособленные группы.

И, судя по всему, если ты находишься в элитарной школе-пансионе, эти группы имеют в тысячу раз более неприступный вид.

Да, не повезло.

Воздух вокруг группы учеников, расположившихся у окна, пропитан ощущением мощной энергии – и высокомерия. Их тут что-то около тридцати пяти, и они стоят тесной толпой, словно спортивная команда, обговаривающая тактику будущей игры перед выходом на поле. Парни все одеты в джинсы, а девушки – в суперкороткие и открытые платья, и видно, что у всех сильные тела с рельефной мускулатурой.

В задней части зала я вижу еще одну группу – на их лицах написаны любопытство и презрение. Все они стройны, девушки облачены в длинные струящиеся платья, а парни – в классические рубашки, сшитые из дорогих ярких узорчатых тканей под стать здешнему декору. Вид у них намного более изнеженный, чем у тех, кто собрался у окна, и еще до того, как Мэйси радостно машет им рукой, я понимаю, что это ее собственная группа.

Она идет к ним, я следую за ней, пытаюсь замаскировать внезапно охватившую меня нервозность с помощью приклеенной к лицу деланной улыбки.

Мы проходим мимо третьей группы учеников, и я готова поклясться, что чувствую, как от них исходит жар. Все здесь высоки – даже у девушек рост не менее шести футов, – и, поскольку они глядят на меня со смесью пренебрежения и недоверия, идти мимо них чертовски неприятно. Может, это игроки в баскетбол?

Но тут я вижу среди них Флинта, и он смотрит на меня, так смешно шевеля бровями, что я невольно хихикаю. Как и все парни в этой группе, он одет в джинсы и облегающую футболку, так что можно легко разглядеть его бицепсы и мускулистую грудь. Выглядит он классно, как и большинство его друзей. Он показывает мне язык, и теперь я уже не хихикаю, а смеюсь вовсю.

– Над чем ты хохочешь? – спрашивает Мэйси, но тут видит Флинта и закатывает глаза. – Знаешь, сколько времени я убила, пытаюсь привлечь его внимание и так ничего и не достигнув, прежде чем отказалась от этих попыток? Если бы мы не были двоюродными сестрами, которым к тому же предназначено стать лучшими подругами, я бы на тебя рассердилась.

– Я почти уверена, что нам с Флинтом тоже предназначено стать друзьями, – говорю я, пытаюсь угнаться за ее неимоверно широкими шагами. – Вряд ли парни так ведут себя с теми девушками, к которым питают интерес.

– Почему знать? Дра... – Она вдруг заходится в кашле, словно поперхнувшись своей собственной слюной.

– Ты в порядке? – спрашиваю я, легко хлопая ее по спине.

– Да, все хорошо. – Она снова кашляет и нервно дергает себя за широкий рукав. – Дразнят.

– Дразнят? – повторяю я, не понимая, о чем она.

– Я хотела сказать именно это. – Она бросает на меня оценивающий взгляд. – Иногда парни нарочно дразнят девушек, которые им нравятся, чтобы те заметили их. Вот что я собиралась сказать. Дразнят.

– А, ну да. – Больше я не говорю ничего. Я растеряна – не из-за того, что она сейчас сказала, а из-за ее настойчивости. Правда, вчера, общаясь с Флинтом, она тоже вела себя странно. Быть может, оказываясь рядом с ним, она просто-напросто теряет способность вразумительно излагать свои мысли?

Когда мы наконец добираемся до середины этого богато украшенного зала, Мэйси молчит. И я ее не виню – ведь группа, мимо которой мы проходим теперь, состоит из тех, кто особенно устрашает. А это кое-что значит, поскольку почти все здесь имеют такой вид, что при взгляде на них невольно становится не по себе.

Но эти ребята подняли уровень жути на совершенно новый уровень. Одетые только в черное или только в белое – дизайнерские рубашки, брюки, платья, обувь, украшения, – они всем своим видом говорят, что у них куча денег. И от них исходит некая небрежная сила, не замечать которую невозможно. Хотя очевидно, что они, как и все в этом зале, также составляют свою собственную группу, в отличие от парней и девушек из прочих компаний, друг с другом они держатся церемонно – похоже, они готовы вместе противостоять любому из остальных, но их союз ограничивается только этим.

Шагая мимо, я вдруг понимаю, что между ними и остальными есть еще одно существенное различие – на меня ни один из них даже не взглянул.

И слава богу, думаю я, ведь у меня и так все больше и больше дрожат коленки по мере приближения к группе друзей Мэйси. Я в шоке из-за того, что на меня глазет столько народу, но и меня изумляет крайняя обособленность всех этих людей. Похоже, разные группировки здесь не контактируют друг с другом вообще – ни один из парней в черном не тусуется с девушкой в длинном струящемся платье. Ни одна из высоченных девиц не строит глазки спортивному, мускулистому парню или девушке из числа тех, кто стоит у окна.

Нет, каждый из учеников Кэтмира держится исключительно в своем собственном кругу. И судя по выражению их лиц, не из страха. А потому, что они презирают всех остальных.

Да, весело, ничего не скажешь. Я всегда знала, что в частных элитных школах царит атмосфера высокомерия и чванства, – а кто этого не знает? Но такого я все-таки не ожидала. Сколько же у каждой из этих групп может быть денег и понтов?

Наверное, хорошо, что я прихожусь племянницей директору школы, иначе я бы ни за что не попала в такую элитарную школу, как Кэтмир. Семейственность – это как раз то, что мне сейчас нужно... или, наоборот, совсем не нужно – все зависит от того, как пройдет этот вечер.

Не понимаю, почему, идя сюда, я вся извелась.

Однако сейчас только гордость удерживает меня от бегства. Гордость и понимание того, что, если я с самого начала поведу себя как жертва, это только загонит меня в угол. Ведь не хочу же я провести остаток моего последнего года в школе, бегая от любой из здешних вредин.

– Мне не терпится познакомить тебя с моими друзьями, – говорит Мэйси, когда мы наконец доходим до группы, стоящей у задней стены. Вблизи эти девушки и парни смотрятся шикарно – в их волосах и на коже сверкают драгоценные камни. Серьги, кулоны, заколки плюс кольца, вдетые в брови, губы, носы, и на всех этих побрякушках красуются яркие цветные камни.

Я никогда еще не чувствовала себя такой невзрачной, и мне приходится сдерживаться изо всех сил, чтобы опять не потянуть вверх вырез платья, одолженного мною у Мэйси.

– Привет! Это моя двоюродная сестра Гр...

– Грейс! – перебивает красивая девушка с ярко-рыжими волосами и огромным аметистовым кулоном на шее. – Добро пожаловать в Кэтмир! Мы так о тебе наслышаны. – Она произносит это с таким преувеличенным восторгом, что становится очевидно – она издевается, непонятно только над кем: над Мэйси или надо мной. Но, заглянув в ее глаза, жестокие и холодные, я вижу – все ее внимание сосредоточено на мне.

Какой сюрприз.

Не знаю, как именно ей отвечать: одно дело – быть вежливой и совсем другое – подыгрывать, когда она насмехается надо мной. К счастью, прежде чем я решаю, что делать, в игру вступает другая девушка, с густыми кудрявыми черными волосами и невероятно красивыми губами, напоминающими формой классический лук Купидона.

– Перестань, Симона, – говорит она рыжей, затем поворачивается ко мне с улыбкой – надеюсь, что искренней: – Привет, Грейс. Я Лили. – Ее карие глаза кажутся мне приветливыми, черные кудри перевиты блестящими лентами, красиво оттеняющими насыщенно-коричневую кожу. – А это Гвен.

Она кивком показывает на девушку восточноазиатского происхождения, одетую в элегантное фиолетовое платье. Та широко улыбается и говорит:

– Я правда очень рада познакомиться с тобой.

– Э-э, я тоже. – Я стараюсь, очень стараюсь, но, должно быть, в моем тоне звучит недоверие, что и немудрено, если учесть, что теперь я во всем сомневаюсь, и ее глаза затуманиваются.

– Не обращай внимания на Симону. – Она произносит имя рыжей со злостью. – Бедняга бесится, потому что все парни сейчас пялятся на тебя. Ей не по вкусу, что у нее появилась конкурентка.

– О, я не... – Я осекаюсь, когда Симона фыркает:

– Ага, прям. Меня беспокоит появление конкурентки. А вовсе не то, что Фостер притащил сюда...

– Давай что-нибудь выпьем, – громко перебивает ее Мэйси.

Я хочу сказать, что мне не хочется пить, – я снова чувствую легкую тошноту, – но моя кузина, не ожидая моего ответа, берет меня за руку и тащит через всю комнату к фуршетным столам.

На одном столе стоят два огромных заварочных чайника и множество чайных чашек, а также два открытых охладителя с бутылками ледяной воды и банками газировки.

Я протягиваю руку к чашке – я мерзну с тех самых пор, как мой самолет приземлился в этом штате. Но тут мое внимание привлекают несколько бело-оранжевых термосов, стоящих на отдельном столе.

– Что это? – спрашиваю я, поскольку мне любопытно. А также потому, что, по-моему, для собравшихся здесь учеников не требуется такая уйма напитков. И я очень, очень надеюсь, что это отнюдь не означает скорого появления тут еще одной партии подростков. По мне, так здесь и без того уже слишком много народу – в присутствии такого количества людей я чувствую себя не в своей тарелке.

– О, там просто вода, – небрежно отвечает Мэйси. – Мы всегда держим под рукой какое-то ее количество на случай, если температура вдруг упадет слишком сильно и трубы замерзнут. Лучше перебдеть, чем недобдеть.

По-моему, на Аляске устанавливают особые водопроводные трубы и дополнительную теплоизоляцию, чтобы вода не замерзала. Но мало ли. Сейчас еще только ноябрь, однако снаружи уже минус, так что было бы вполне разумно предположить, что особенно суровая зима могла бы натворить здесь немало дел.

Но прежде чем я успеваю что-то сказать, Мэйси наклоняется, достает из охладителя банку «Доктора Пеппера» и протягивает ее мне.

– Я сказала папе, чтобы он заказал «Доктор Пеппер» и для этой вечеринки, и для кафетерия. Это же по-прежнему твоя любимая газировка, да?

Да, любимая. Мне казалось, что сейчас самое время выпить чаю, но вид этой малиновой банки пронимает меня. Напоминает о доме, моих родителях и той жизни, которая была прежде. На меня накатывает тоска по дому, и я беру газировку, охваченная отчаянным желанием ухватиться хоть за что-то родное.

Мэйси улыбается мне, ободряюще кивает, и я вижу, что она понимает, каково мне сейчас. Чувство благодарности помогает мне избавиться от тоски.

– Спасибо. Это очень мило с твоей стороны.

– Пустяки. – Она толкает меня плечом: – Ну, так с кем мне познакомить тебя теперь? – Она кивает двоим парням, которые, развалясь, сидят на обитых красным бархатом креслах в задней части комнаты. Они одеты в классические рубашки, сшитые из богатых узорчатых тканей, стало быть, эти двое принадлежат к той же группировке, что и Мэйси. – Это Кэм и его лучший друг, – говорит она.

– Кэм? – Она произнесла это имя так, словно оно должно быть мне известно, но я никогда его не слышала.

– Мой бойфренд. Он жаждет с тобой познакомиться. Пошли.

На такие слова нельзя ответить «нет», так что я даже не пытаюсь, хотя знаю – и Кэма, и любого другого, кто жаждет познакомиться с новой ученицей, ждет разочарование. Я вовсе не так интересна.

– Кэм! Это моя двоюродная сестра, о которой я тебе говорила! – тонким голосом произносит Мэйси еще до того, как мы оказываемся рядом с ее бойфрендом.

Он встает и протягивает мне руку:

– Ты Грейс, да?

– Да. – Я пожимаю его руку и невольно отмечаю про себя нездоровую бледность Кэма. – Рада знакомству.

– Я тоже рад. Мэйси рассказывает мне о тебе уже несколько недель. – Он широко улыбается. – Надеюсь, тебе, заядлой сёрфингистке, нравится снег.

Я не даю себя труда сказать ему, что не очень-то сильна в сёрфинге. Видит бог, у меня тоже были стереотипы – до прибытия сюда я верила, что на Аляске все живут в иглу.

– Я еще не знаю, нравится он мне или нет, – говорю я. – Ведь вчера я увидела снег в первый раз.

Он оживляется – и его приятель тоже.

– Ты никогда раньше не видела снег? – изумленно спрашивает второй парень. – Вообще никогда?

– Она же из Сан-Диего, Джеймс. – Мэйси явно раздражена. – Неужели в это и впрямь так уж трудно поверить?

– Наверное, нет. – Он пожимает плечами и дарит мне улыбку, которую сам он, видимо, считает очаровательной, но которая определенно не дотягивает до таких высот. Я всегда терпеть не могла парней, смотрящих на девушек как на еду, которую им надо сожрать. – Привет, Грейс.

Он не протягивает руки – самой мне тоже совсем не хочется это делать.

– Привет.

– Ну, так как тебе Аляска? – спрашивает Кэм, обвив рукой талию Мэйси. И, не дожидаясь моего ответа, опять садится в кресло и сажает мою кузину себе на колени.

Затем сразу же утыкается в шею Мэйси, она хихикает, прижимается к нему и зарывается пальцами в его блестящие темно-русые волосы.

У меня возникает неловкое чувство – похоже, это знак, что мне пора удалиться. Тем более что Джеймс продолжает пялиться на меня с таким видом, будто ожидает, что сейчас я плюхнусь на колени к нему самому, чего я, разумеется, делать не собираюсь.

– Мне... э-э... нужна еще газировка, – говорю я ему, неуклюже подняв мою все еще почти полную банку «Доктора Пеппера».

– Я могу ее принести, – предлагает он, подавшись вперед, но я делаю шаг назад.

– Ты вовсе не обязан это делать.

– Ты в порядке, Грейс? – Мэйси перестает хихикать и задает мне этот вопрос уже вполне серьезно.

– Да, все хорошо. Просто я... – Я опять слегка поднимаю мою банку «Доктора Пеппера». – Я сейчас вернусь.

Видимо, Кэм очень возбуждает мою двоюродную сестру, поскольку высота ее смеха меняется, его звук становится все более низким, и все ее внимание переключается на него.

Я не дожидаясь, когда Джеймс еще раз предложит мне свои услуги или, того хуже, начнет настаивать, и со всех ног бегу прочь. Но не успеваю я дойти до стола с напитками, как на плечи мне ложатся две очень большие и очень горячие руки.

Глава 10

Оказывается, дьявол носит Гуччи

Я застываю на месте, сердце мое колотится, а в голове, словно мантра, опять и опять звучат три предложения: «Только не Джеймс, только не Джеймс, только не Джеймс». Разве на меня и так недостаточно всего свалилось? Не хватало еще, чтобы мною решил полакомиться этот придурок.

Но прежде чем мне на ум приходит подходящий ответ, парень, стоящий за моей спиной, наклоняется вперед, и я слышу его глубокий низкий голос:

– Хочешь прокатиться у меня на спине?

Мое напряжение тут же спадает, и его место занимает осторожная радость.

– Флинт! – Я быстро поворачиваюсь и вижу, что он широко улыбается и в его янтарных глазах пляшут шаловливые огоньки.

– Привет, Новенькая, – растягивая слова, говорит он.

– Хорошо проводишь время?

– Однозначно. – Я поднимаю свою банку «Доктора Пеппера». – А что, разве не видно?

– Похоже, тут кое-кто слишком туп, чтобы понимать намеки, вот я и решил помочь. – Мы одновременно поворачиваем головы и видим, что Джеймс, который все-таки последовал за мной к столу с напитками, с недовольным видом возвращается туда, где сидят Кэм и Мэйси, все еще всецело поглощенные друг другом.

– Спасибо. Я ценю твою помощь.

– Благодарность – это так старомодно. – Он произносит это писклявым, пронзительным голосом – ну точь-в-точь как кто-то из вредных девиц, которые есть везде.

Этот его визгливый фальцет и сопровождающий его уморительный жест вызывают у меня смех, едва не переходящий в настоящий хохот. И тут я вдруг осознаю, что одна половина собравшихся все еще пялится на меня, а вторая – подчеркнуто – даже не смотрит в мою сторону. Последнее принесло бы мне некоторое облегчение, если бы мне не было так очевидно, что они делают это, чтобы дать понять, как мало я для них значу.

Тоже мне новость.

– Может, перекусишь? – спрашивает Флинт, показав кивком на фуршетные столы.

Но прежде чем я успеваю ответить, обе тяжелые деревянные двери зала резко распахиваются и так бухают по стенам, что все вздрагивают. И поворачивают головы.

Плюс состоит в том, что теперь на меня больше никто не глазет. Все глядят на него. На Джексона. Что и понятно – он входит в зал с таким видом, будто все здесь принадлежит ему. Включая нас.

Во всем черном от Гуччи – в шелковом свитере с треугольным вырезом, брюках в тонкую полоску, туфлях из блестящей кожи, – с нахмуренным лбом и холодным взглядом темных глаз, он, по идее, не должен бы выглядеть сексуально, но все-таки выглядит. И еще как.

Минус же заключается в том, что весь этот холод и весь этот мрак сфокусированы на мне. И на Флинте, который успел обнять меня за плечи.

Я пытаюсь отвести взгляд, не смотреть Джексону в глаза, но обнаруживаю, что это невозможно. Сейчас он так же притягивает, так же пленяет, так же завораживает, как и вчера или минувшей ночью. И это еще до того, как он начинает двигаться и я вижу ленивую грацию его движений, покачивание мощных плеч, мускулистые бедра, длинные ноги.

Он просто ошеломляет.

Это же всего лишь парень, напоминаю я себе, чувствуя, как у меня вдруг пересыхает во рту. Просто обыкновенный парень, такой же, как любой другой из тех, что присутствуют

здесь. Но, уже проговаривая это про себя, я понимаю – Джексон совсем не обыкновенен, он выделяется даже на фоне всех этих совершенно нереальных парней.

Я слышу, как стоящий рядом Флинт издает тихий смешок, и мне хочется спросить, что тут смешного, когда я вижу, что Джексон идет прямо к нам с ледяной пустотой в глазах. Меня пробирает дрожь, а горло так сжимается, что я не могу выговорить ни слова, не могу выдавить из себя ни единого звука.

Я пытаюсь набрать в грудь воздуха, надеясь, что это успокоит меня. Из этого ничего не выходит, но я особо и не рассчитывала, что мне это поможет.

Ведь в эту минуту я вижу только одно – как он всасывает в себя мою кровь со своего большого пальца.

Слышу только одно – его голос, низкий, приказывающий остерегаться.

И могу думать только об одном – о том, как поцелуюсь с ним, проведу языком по его верхней губе, изогнутой, как лук Купидона, немного прикушу нижнюю.

Не знаю, откуда берутся эти мысли – на меня это совсем не похоже. Прежде я никогда не думала вот так ни об одном парне, даже о моем бывшем бойфренде в Сан-Диего. Перед нашим с ним первым свиданием я и не пыталась представить себе, каково это будет – целовать его в губы.

А сейчас, глядя на Джексона, я представляю себе, как обхвачу его руками.

Как прикинну к нему.

Потому что сейчас я почти что чувствую прикосновение его тела, почти что ощущаю на языке его вкус. Я пытаюсь заставить себя думать о чем-то другом. О снеге. О завтрашних занятиях. О моем дяде, который должен быть здесь, но куда-то пропал.

Но все тщетно, потому что я вижу только Джексона.

Под его взглядом мою кожу обдаёт жар, щеки горят от смущения, вызванного мыслями, проносющимися в моей голове. А также уверенностью в том, что он может легко прочесть каждую из них.

Это невозможно, я знаю, что невозможно, но я так пугаюсь, что наконец все-таки отрываю взгляд от его глаз и подношу ко рту мой «Доктор Пеппер», пытаюсь делать вид, будто мне все равно.

И, конечно же, газировка попадает мне не в то горло.

Мои легкие восстают, на глазах выступают слезы, я закрываю рукой рот, захожусь в кашле и сгораю со стыда. Я притворяюсь перед самой собой, говоря себе, что он на меня не смотрит, что Флинт не хлопает меня по спине и что я не замечаю холодных взглядов моих новых одноклассников, которые наблюдают, как я тщетно пытаюсь втянуть в бунтующие легкие воздух.

Мне надо срочно уйти – подальше от чересчур усердной помощи Флинта, подальше от Джексона с его грозным всепроникающим взглядом. Если мне удастся отыскать ближайший туалет, я хотя бы смогу спокойно умереть.

Я начинаю двигаться к выходу – кажется, в коридоре через пару-тройку дверей я видела туалет, – но прохожу только несколько шагов, когда рядом со мною вдруг оказывается Джексон. Он не здоровается, даже не смотрит на меня, проходя мимо, но, как и вчера на лестничной площадке, наши плечи соприкасаются.

И мой приступ удушья проходит так же быстро, как начался. В мои легкие снова начинает поступать воздух.

Не знай я, что такого просто не бывает, я бы подумала, что случившееся как-то связано с ним. Как начало приступа, так и его конец.

Но это не так, конечно же, не так. Какая чушь.

Однако я все равно поворачиваюсь и смотрю ему вслед, хотя это самое худшее, что я могу сделать и для моего душевного равновесия, и для моей репутации – об этом свидетельствуют саркастические замечания и хихиканье за моей спиной.

Он не оглядывается. Собственно, он вообще ни на кого не смотрит, обходя фуршетный стол и оглядывая выставленную на нем еду. И даже не поднимает глаз, когда в конце концов берет из вазы большую красивую клубнику.

Я жду, что он сейчас же положит ее в рот, но он этого не делает.

Вместо этого он проходит в центр зала – туда, где под люстрой стоит огромное, обитое красным бархатом кресло, похожее на трон, перед которым полукругом стоят несколько кресел поменьше. Он вальяжно разваливается в нем, вытягивает ноги и что-то говорит пяти парням, темноволосым и эффектным, сидящим в креслах поменьше.

Я увидела их только сейчас.

Теперь почти все в зале смотрят на Джексона, пытаются обратить на себя его внимание, но он демонстративно игнорирует их, пристально разглядывая клубнику в своей руке.

Наконец он поднимает глаза и устремляет взгляд прямо на меня. Затем подносит клубнику ко рту – и откусывает от нее ровно половину.

На его нижней губе на миг повисает капля красного сока – это явное предостережение.

Я знаю – мне надо остаться, надо поставить его на место. Но когда он на мгновение высовывает язык и слизывает клубничный сок, как бы посылая меня, Флинта и всех остальных куда подальше, я делаю то единственное, что могу сделать.

Поворачиваюсь к Флинту и быстро говорю:

– Извини. Мне надо идти.

И иду к дверям – иду торопливо, но стараясь не переходить на бег, чтобы не выглядеть еще более жалкой, потому что отчаянно желаю убраться отсюда до того, как очевидное презрение Джексона окончательно раздавит меня.

Ибо мне ясно одно – это маленькое представление имело целью еще раз продемонстрировать мне, какой ничтожной считают меня все в этом зале. Вот бы узнать почему...

Глава 11

В этой библиотеке никто не услышит твой крик

Выйдя из зала, я пускаюсь бежать, желая убраться от Джексона как можно дальше. Я не знаю, куда бегу, но, пожалуй, если бы знала, это все равно бы ничего не изменило. Ведь я понятия не имею, где здесь что находится.

Добежав до конца коридора, я сворачиваю налево, повинуюсь инстинкту и желанию поскорее оказаться где угодно, лишь бы подальше от собравшихся на вечеринке.

Я совершенно не представляю себе, чем я могла так рассердить Джексона и почему он каждый раз ведет себя со мной настолько по-разному. С тех пор как я очутилась в этой школе, мы с ним сталкивались четыре раза, и всякий раз он вел себя по-другому. В первый раз он был несносен, во второй – отрешен, в третий – серьезен, а в четвертый – взбешен. Похоже, настроение у него меняется быстрее, чем фотки в Инстаграмах моих друзей.

Я добегаю до еще одного тупика и на сей раз поворачиваю направо. Через несколько секунд моему взору предстает лестница, настолько же простая и непритязательная, насколько парадная лестница затейлива и великолепна. Я бегом спускаюсь на один лестничный пролет, потом еще, еще и оказываюсь на нижнем этаже. Здесь я опять сворачиваю направо и бегу до конца коридора.

Я задыхаюсь, и меня немного подташнивает – надо полагать, из-за горной болезни, которая все никак не желает меня отпустить. Я на минуту останавливаюсь, наклоняюсь, чтобы отдышаться, и чувствую, что мое смущение проходит и я снова обретаю способность мыслить здраво.

Какая же я дебилка, что расписывалась и сбежала от Джексона, который всего-то откусил половинку клубники, глядя на меня, – что тут может быть страшного?

В глубине души я понимаю, что дело не только в этом, а в выражении его лица, в языке тела и в том, что его глаза недвусмысленно говорили мне, чтобы я шла куда подальше. Но все равно было глупо вот так сбегать.

Нет, на эту стремную вечеринку я не вернусь, но мне ужасно стыдно, что я повела себя так позорно.

Выпрямившись, я пытаюсь решить, что делать теперь; наверное, лучше всего было бы вернуться в мою комнату, принять еще пару таблеток и лечь спать, но тут до меня доходит, что я стою перед дверью школьной библиотеки. А поскольку мне никогда еще не попадалась такая библиотека, которая пришлась бы мне не по вкусу, я не могу устоять перед искушением и, открыв дверь, захожу внутрь.

И меня сразу же охватывает странное чувство – становится страшно, и все мое естество кричит, что мне надо немедленно повернуться и бежать со всех ног. Я еще никогда не испытывала такого, и у меня мелькает мысль: может, и правда лучше смыться? Но сегодня мне и так уже пришлось слишком много бегать, а потому я игнорирую и стеснение в груди, и неприятные ощущения в животе и продолжаю идти вперед, пока не останавливаюсь у контрольного стола.

Здесь я несколько минут просто стою и оглядываюсь по сторонам. Секунда – и охвативший меня ужас проходит без следа, уступив место изумлению и восхищению. Потому что здешний библиотекарь определенно родственная мне душа – начать хотя бы с того, что здесь полным-полно книг, по меньшей мере десятки тысяч, и множество стеллажей. Но есть и еще кое-что.

На верхних полках стеллажей красуются расставленные в случайном порядке горгульи, смотрящие вниз, словно охраняя книги.

С потолка, также без всякой системы, свисает несколько десятков переливающихся кристаллов и блестящих лент.

Все не занятое стеллажами пространство занято кабинками для чтения, в которых стоят мягкие кресла, кресла-мешки, а там, где есть место, даже есть несколько потертых кожаных диванов.

Но самое интересное – теперь мне однозначно не терпится познакомиться с библиотекарем – это стикеры, расклеенные везде. На стенах, на стеллажах, на письменных столах, креслах, компьютерах. Везде. Большие стикеры, маленькие стикеры, смешные стикеры, стикеры с торговыми знаками, стикеры со смайликами, стикеры с саркастическими изречениями... Спиксок получается длинный, и мне хочется бродить по этой библиотеке, пока я не прочту или не разгляжу их все.

Но их тут слишком много – за один раз все не изучить, да и за десять раз тоже, и я решаю начать с тех стикеров, которые попадутся мне, когда я буду обходить горгулий.

Потому что после осмотра остальной части библиотеки я больше не считаю, что эти статуи расставлены в произвольном порядке. И ужасно хочу узнать, что именно здешний библиотекарь желает мне показать.

Первая горгулья – свирепого вида тварь с крыльями, как у летучей мыши, – охраняет стеллаж с романами ужасов. Сам он украшен стикерами с эмблемой «Охотников за привидениями», и я не могу удержаться от смеха, когда вижу корешки сочинений буквально всех авторов, пишущих или писавших в этом жанре: от Джона Уэбстера до Мэри Шелли, от Эдгара Аллана По до Джо Хилла. Еще приятнее то, что особое почтение тут оказано Виктору Гюго, а три экземпляра «Собора Парижской Богоматери» не без иронии поставлены прямо перед глазами горгульи.

Вторая горгулья – приземистый малый, сидящий на куче черепов, – красуется на стеллаже с книгами по анатомии человека.

На стеллаж с великолепно переплетенными книгами в жанре фэнтези, в которых повествуется о драконах и ведьмах, водружена третья горгулья, с фантасмагорическими крыльями и большими когтистыми лапами, сжимающими миниатюрную книжицу, которую она читает. В отличие от двух остальных, имеющих зверские рожи, у этой красотишки вид проказливый, как будто она знает, что ей попадет за то, что она, зачитавшись, не легла спать в урочный час, но она просто не может отложить книгу.

Я сразу же решаю, что она станет моей любимицей, и беру книгу с ее стеллажа, чтобы было что почитать вечером, если мне не удастся заснуть. И едва не разражаюсь смехом, водя пальцем по стикеру, приклеенному под этой горгульей: «Я не дева в несчастье, а дракон, одетый в платье».

Я продолжаю ходить от статуи к статуе, от небольшой полки с книгами по готической архитектуре перехожу к целому стеллажу, заставленному историями о привидениях, иду все дальше, дальше и все больше убеждаюсь, что здешний библиотекарь – совершенно замечательная личность, блестяще знающая свое дело.

Дойдя до последней горгульи, я вижу, что она показывает на полуоткрытую дверь. Табличка на двери гласит: «Без разрешения не входить», что, разумеется, только обостряет мое любопытство. Особенно потому, что за дверью горит свет и играет какая-то музыка.

Я пытаюсь понять, что это такое, но, подойдя ближе, слышу, что это не столько музыка, сколько речитатив на каком-то незнакомом мне языке. На смену моему любопытству тотчас же приходит азарт.

Ища в Интернете информацию об Аляске, я выяснила, что коренные народы, живущие в этом штате, говорят на двух десятках языков. Может быть, то, что я слышу сейчас, – это один из них? Я очень надеюсь, что так оно и есть, – мне ужасно хотелось послушать, как кто-то будет говорить на таком языке. Тем более что многие из них находятся под угрозой исчезновения,

включая два или три таких, на которых во всем мире говорят менее четырех тысяч человек. То, что языки коренных жителей Аляски исчезают, – так печально.

Возможно, если мне повезет, я смогу одним выстрелом убить двух зайцев – познакомиться с замечательной библиотекарейшей (доносящийся до меня голос определенно принадлежит женщине), собравшей такую классную библиотеку, и послушать ее рассказ об одном из языков здешних аборигенов. И то и другое однозначно будет куда приятнее, чем торчать на этой вечеринке, якобы устроенной в мою честь, и терпеть на себе все эти взгляды.

Но когда я подхожу к двери, готовясь представиться, оказывается, что голос, который я слышу, принадлежит не библиотекарейше, а девушке примерно моих же лет с длинными темными шелковистыми волосами и необычайно красивым лицом. Возможно, самым красивым, которое мне когда-либо доводилось видеть.

Она держит в руках открытую книгу и нараспев читает из нее, что объясняет речитатив. Я хочу поинтересоваться у нее, что это за язык, поскольку обложка книги мне не видна, но, когда она вдруг резко вскидывает голову, слова застревают у меня в горле.

Кем бы она ни была, вид у нее свирепый – покрасневшие щеки, широко раскрытый рот. Она обрывает свой речитатив на полуслове, и мне кажется, что я вижу ярость, горящую в ее черных глазах.

Глава 12

Сплошное веселье. Пока кто-то не умрет

Я пытаюсь подыскать слова, чтобы извиниться или хотя бы придумать какой-нибудь предлог для моего прихода сюда, но прежде, чем я успеваю что-то придумать, ярость в ее глазах гаснет, причем так быстро, что теперь я уже не совсем уверена в том, что вообще видела ее. Тем более что, когда девушка встает и идет ко мне, гнев или что там было тут же сменится выражением радушия и теплоты.

– Должно быть, ты Грейс, – говорит она по-английски с чуть заметным акцентом и останавливается примерно в футах передо мной. – Мне так хотелось познакомиться с тобой. – Она протягивает мне руку, и я ошарашенно пожимаю ее. – Меня зовут Лия, и у меня такое чувство, что мы с тобой станем очень хорошими подругами.

Это не самое странное из тех приветствий, которые были в моей жизни, – эта честь по-прежнему принадлежит Бренту Хэйворду, который, вместо того чтобы сказать «рад знакомству», вытер свои сопли о праздничное платье, в котором я впервые пошла в детский сад, но по степени странности нынешнее приветствие ушло от того детсадовского недалеко. Однако улыбка девушки так заразительна, что я невольно улыбаюсь в ответ.

– Да, я Грейс, – говорю я. – Рада познакомиться.

– О, к чему такая официальность, – мягко отвечает она и ведет меня вон из комнаты, прежде чем я успеваю сказать, что хочу оглядеть ее. Несколько секунд – и девушка уже выключила свет и закрыла за собой дверь, притом проделала это на редкость быстро.

– На каком языке ты сейчас говорила? – спрашиваю я, когда мы идем обратно, в середину библиотеки. – Это наречие какого-то из местных народов? Оно звучало так красиво.

– О нет. – Она смеется, и этот нежный, серебристый смех подходит ей как нельзя лучше. – Вообще-то я наткнулась на этот язык, когда проводила свои изыскания. Мне никогда не доводилось слышать, чтобы кто-нибудь на нем говорил, так что я даже не уверена, что правильно произношу слова.

– У него потрясающее звучание. А что это была за книга? – Как жаль, что мне не удалось увидеть ее обложку, думаю я.

– Скучная, – она небрежно машет рукой. – Эта внеаудиторная научно-исследовательская работа убьет меня. А теперь пойдем выпьем чаю, и ты расскажешь мне о себе. У тебя будет достаточно времени поговорить о занятиях, когда придется реально на них торчать.

Я решаю не говорить ей, что возможность изучать новые предметы – это единственное, что мне нравится в переезде на Аляску. Ведь в программе той государственной школы, в которой я училась в Сан-Диего, не было, например, такой темы, как охота на ведьм в странах бассейна Атлантического океана, и зачет по ней я получить не могла. Что касается чая, то это предложение кажется мне соблазнительным, особенно теперь, после того, что случилось, когда я попыталась попить «Доктора Пеппера». И еще более заманчивой представляется перспектива завести подругу в этой чертовой школе, где все смотрят на меня так, словно у меня три головы... или словно я пустое место.

– А ты уверена, что у тебя нет других дел? Я не хотела тебе мешать. Мне просто хотелось осмотреть библиотеку. Мне нравятся горгульи. Это отдает Средневековьем.

– Точно. Это все мисс Ройс.

– Дай догадаюсь. Она хипстер, да? И носит фланелевые рубашки?

– Нет, она предпочитает длинные цветастые юбки в стиле хиппи и венки из цветов.

– Теперь мне еще больше хочется с ней познакомиться. – Сейчас мы находимся не там, где в библиотеку вошла я, а в противоположной ее стороне и проходим через зону отдыха –

здесь стоит несколько черных диванов с фиолетовыми декоративными подушками, на которых красуются цитаты из классических фильмов ужасов. Моя любимая – это знаменитая реплика Нормана Бейтса из «Психо» Хичкока: «Иногда мы все немного сходим с ума». Еще мне очень нравится надпись на соседней подушке: «Бойся. Очень бойся». Это взято из «Мухи».

– Мисс Ройс любит Хэллоуин и готовилась к нему. – Лия смеется. – Похоже, она тут еще не все убрала.

Ну, тогда понятно. Хэллоуин был три дня назад, но из-за всего прочего в этом году я начисто о нем позабыла, хотя Хезер потратила несколько месяцев на то, чтобы с нуля изготовить свой костюм.

Я кладу взятую мною книгу на соседний стол – вернусь за ней, когда тут будет библиотекарь, – затем Лия толкает ближайшую дверь и делает мне знак пойти впереди. Я жду, пока она выключает свет и запирает за нами дверь.

– По воскресным вечерам библиотека обычно бывает закрыта, но в этом семестре я занимаюсь самостоятельным изучением материала, и иногда мисс Ройс разрешает мне работать здесь допоздна.

– Прости, я не знала...

– Тебе нет нужды извиняться, Грейс. – Она бросает на меня взгляд, в котором сквозит легкая досада. – Откуда тебе было знать? Я просто объясняю, почему мне надо тут все запереть.

– А, тогда понятно, – говорю я, немного удивляясь тому, что она так со мной мила.

Она идет по коридору.

– Раз ты сейчас не на вечеринке, которую устроила для тебя Мэйси, твой первый день в нашей достославной школе прошел не так гладко, как ожидала твоя кузина.

Она права, но я не хочу это признавать, ведь тогда я подставляю Мэйси, спущу на нее всех собак. А ведь проблема не в ней. Во всем остальном да, но только не в ней.

– С вечеринкой все нормально – просто у меня был чересчур длинный день. И мне надо было несколько минут передохнуть.

– Кто бы сомневался. Если ты летишь не из Ванкувера или его окрестностей, то добираться сюда бывает ох как нелегко.

– Да, я точно не из Ванкувера. – Меня пробивает легкая дрожь, когда по коридору вдруг проносится ветер.

Я оглядываюсь по сторонам, пытаюсь понять, откуда он мог здесь взяться, затем меня отвлекает реплика Лии:

– Аляска находится очень далеко от Калифорнии.

– Откуда ты знаешь, что я из Калифорнии? – Возможно, поэтому все и пялятся на меня – из-за исходящих от меня сигналов, ясно говорящих, что я не отсюда?

– Должно быть, Фостер упомянул эту деталь, когда говорил нам о твоём приезде, – отвечает Лия. – И надо сказать, что переехать сюда из Сан-Диего – это вообще самое стремное, что только можно себе представить.

– Это вообще стремно – переезжать куда-то из Сан-Диего, – замечаю я. – Тем более сюда.

– Несомненно. – Она окидывает меня взглядом и усмехается: – Наверное, тебе холодно в этом платье?

– Шутишь? Я мерзну с тех самых пор, как приземлилась в Анкоридже. И неважно, что на мне надето – мне было зябко и до того, как Мэйси уговорила меня одолжить у нее это платье.

– Тогда надо поскорее напоить тебя чаем. – Лия показывает кивком на лестницу впереди. – Моя комната на четвертом этаже. Поднимешься?

– О, наша с Мэйси комната находится там же.

– Ну и ладушки.

По пути к лестнице Лия показывает, где находятся различные помещения, местоположение которых мне, по ее мнению, надо знать: химическая лаборатория, зал для самостоятель-

ных занятий, буфет. Мне хочется достать телефон и сделать в нем соответствующие заметки или, что было бы еще лучше, нарисовать карту, потому что в том, что касается ориентации в пространстве, я безнадежна. Возможно, если я сумею каким-то образом представить себе планировку этого замка, все остальное тоже встанет на свои места. И я снова почувствую себя в безопасности – впервые за очень-очень долгое время.

Наконец мы доходим до комнаты Лии, находящейся в западном крыле. Я немного удивляюсь, когда она останавливается перед единственной простой дверью в своем коридоре – а возможно, и на всем этаже, – на которой нет никаких украшений.

Должно быть, это удивление отражается на моем лице, поскольку она говорит:

– У меня был тяжелый год. И мне было не до украшений.

– Жесть. Я имею в виду тяжелый год, а не то, что на твоей двери нет украшений.

– Я так и поняла. – Она улыбается грустной улыбкой. – Мой бойфренд умер несколько месяцев назад, и все вокруг считают, что мне пора уже оправиться от его потери, но мы с ним очень долго были вместе, и мне нелегко просто взять и оставить его в прошлом. Уверена, что ты меня понимаешь.

Со дня гибели моих родителей прошел месяц, но я до сих пор нередко чувствую себя так, словно по-прежнему нахожусь в шоке.

– Да, это нелегко, – говорю я.

Каждый день, проснувшись, я целую минуту не могу вспомнить, почему испытываю это щемящее чувство.

Всю эту минуту я не помню, что их больше нет и я никогда больше их не увижу.

А потом вдруг вспоминаю, и на меня наваливается горе.

Когда вчера утром я села на самолет, это было так тяжело – тяжелее мне пришлось только тогда, когда я опознавала их тела, и, наверное, это объяснялось тем, что отъезд из Сан-Диего заставил меня еще яснее осознать, что они мертвы.

Мы с Лией какое-то время стоим в середине ее комнаты – на первый взгляд может показаться, что у нас все хорошо, но на самом деле мы обе разрушены изнутри – и просто молчим. И каждая из нас чувствует, что другой сейчас так же больно, как и ей самой.

Это странное чувство. Но оно успокаивает.

В конце концов Лия подходит к своему письменному столу, наливает в электрочайник воды из графина, щелкает выключателем, затем открывает коробку травяной смеси и насыпает ее в два ситечка.

– Я могу тебе чем-нибудь помочь? – спрашиваю я, хотя вполне очевидно, что она может отлично справиться со всем сама. Приятно наблюдать, как она готовит травяной чай. Это напоминает мне мою маму и то, как она заваривала в нашей кухне чай из сбора трав.

– Ну, все, – говорит она, показав кивком на ту из двух кроватей, которая превращена во что-то вроде тахты, застеленной красным стеганым пуховым одеялом и усеянной множеством ярких разноцветных декоративных подушек. – Давай садись.

Я сажусь, жалея, что на мне надето это платье, а не треники или лосины, чтобы можно было сидеть нормально. Пока вода закипает, Лия помалкивает, я тоже молчу. Довольно трудно решить, о чем еще говорить после того, как мы поговорили обо всем, начиная с мертвых языков и кончая близкими, которых мы потеряли.

Молчание все тянется, и я начинаю чувствовать себя не в своей тарелке. Но, к счастью, чайник наконец закипает и Лия ставит передо мною чашку травяного чая.

– Этот сбор придумала я сама, – говорит она, поднеся свою чашку ко рту и дуя на нее. – Надеюсь, он придется тебе по вкусу.

– Уверена, что он классный. – Я обхватываю чашку обеими руками – наконец-то я смогу согреть пальцы! Даже если вкус травяного сбора Лии окажется ужасным, я хотя бы перестану так мерзнуть.

– Красивые чашки, – замечаю я, сделав глоток. – Японские?

– Да. – Лия улыбается. – Из моего любимого магазина в Токио, у меня дома. Мама посылает мне новый набор чашек каждый семестр. Это здорово помогает от тоски по дому.

– Класс. – Я думаю о моей собственной матери – она покупала мне новую чайную кружку каждое Рождество. Похоже, у нас с Лией в самом деле много общего.

– Ну, так как прошла вечеринка? Наверное, неважно, раз ты очутилась в библиотеке. Но ты хотя бы смогла с кем-то познакомиться?

– Ага, смогла. Они были довольно милы.

Она смеется:

– Ты совсем не умеешь врать.

– Ну, надо же быть вежливой. – Я отпиваю еще один глоток чая – у него выраженный цветочный вкус, который мне не нравится. Но напиток горяч, и этого довольно, чтобы заставить меня сделать еще один глоток. – Мне это уже говорили. Что я не умею врать.

– Думаю, тебе надо потренироваться. В Кэтмире умение лгать необходимо, иначе тут не выжить.

Теперь моя очередь смеяться.

– Ну, тогда мое дело дрянь.

– Определенно. – На сей раз в ее тоне нет ни тени шутливости, и до меня вдруг доходит, что и до этого она отнюдь не шутила.

– погоди, – говорю я, чувствуя замешательство. – И о чем же таком важном вам тут приходится лгать?

Лия смотрит мне прямо в глаза и отвечает:

– Обо всем.

Глава 13

Выкуси

Я понятия не имею, как можно ответить на такое. Что тут вообще можно сказать? И что подумать?

– У тебя такой шокированный вид, – замечает Лия через несколько секунд неловкого молчания. – Я просто прикалываюсь, Грейс.

– А, ясно. – Я смеюсь вместе с ней, ведь что еще мне остается делать? Но что-то тут не так. Может быть, дело в том, какой серьезный был у нее вид, когда она сказала мне, что лжет обо всем. А может, в том, что я не могу не думать, что сначала она говорила правду, а последние ее слова – это ложь... Как бы то ни было, единственное, что я могу сделать, это пожать плечами и сказать: – Я так и подумала, что это приколы.

– Конечно, что же еще? Но видела бы ты свое лицо.

– Да уж, – со смехом отвечаю я.

Несколько секунд она молчит, я тоже, пока молчание опять не становится неловким. Чтобы прервать его, я спрашиваю:

– А что это был за язык? Он звучал так клево.

Лия секунду смотрит на меня, словно пытаясь решить, хочется ли ей ответить на этот вопрос.

– Это аккадский. Он произошел от языка шумеров.

– В самом деле? Значит, ему три тысячи лет?

Похоже, она удивлена.

– Да, вроде того.

– Это просто невероятно. Я так восхищаюсь лингвистами и антропологами, которые занимаются подобными вещами. Ведь они не только выясняют значение отдельных букв, не только складывают их в слова, но и дознаются до того, как все это звучало в те древние дни. Уму непостижимо. – Я благоговейно качаю головой.

– Безусловно. – Ее глаза горят воодушевлением. – Основы речевой деятельности настолько...

Мой телефон вибрирует – пришло несколько текстовых сообщений подряд, – и Лия замолкает. Я достаю его – видимо, Мэйси наконец надоело ждать, когда я вернусь. И действительно, у меня накопилась куча сообщений от моей двоюродной сестры, причем они с каждым разом становились все беспокойнее и беспокойнее. Видимо, она уже давно отправляет мне сообщения, но у меня был выключен звук.

Мэйси: Куда ты делась?

Мэйси: Я жду, когда ты вернешься.

Мэйси: Куда ты делась???

Мэйси: Я иду тебя искать.

Мэйси: Ты в порядке???

Мэйси: Ответь мне!!!!

Мэйси: Что случилось?

Мэйси: Ты. В. Порядке????

Я быстро пишу ей: «Все хорошо» – и мой телефон сразу же пикает опять. Я гляжу на написанный прописными буквами вопрос моей двоюродной сестры: «ГДЕ ТЫ?» – и понимаю, что лучше мне найти ее сейчас же, пока у нее окончательно не поехала крыша.

– Извини, Лия, но мне надо идти. Мэйси совсем распахивалась.

– Почему? Потому что ты ушла с вечеринки? Она это переживет.

– Да, но, по-моему, она здорово волнуется. – Я не рассказываю Лии о том, что произошло минувшей ночью, когда на меня напали те два парня, и не говорю, что, скорее всего, именно поэтому Мэйси так разнервничалась, когда я пропала. Вместо этого я посылаю моей кузине сообщение о том, что я сейчас в комнате Лии, и встаю: – Спасибо за чай.

– Останься хотя бы еще на пару минут и допей свой чай. – Видно, что она позабавлена и немного разочарована. – Ты же не хочешь, чтобы твоя двоюродная сестра решила, что ей можно тобой помыкать.

Я отношу свою чашку в ванную, чтобы помыть.

– Она мной не помыкает. Думаю, она боится, что я расстроена или что-то вроде того. – Легче дать такое объяснение, чем вдаваться в детали того, что сделали ночью Марк и Куинн. – К тому же, если я хоть сколько-нибудь знаю ее, сейчас она направляется в твою комнату.

– Наверное, ты права. Мэйси склонна истерить.

– Я этого не говорила... – Меня прерывает стук в дверь.

Лия усмехается, словно произнося слова: «Я же тебе говорила».

– Не вздумай мыть чашку. – Она берет ее у меня из рук. – Просто пойди и покажи Мэйси, что ты вовсе не заплакала все глаза. И что я тебя не убила.

– Она наверняка так не думает. Она просто беспокоится обо мне. – Подойдя к двери, я распахиваю ее и, как и было предсказано, вижу двоюродную сестру.

– Я здесь, – говорю я ей, улыбаясь.

– О, слава богу. – Она порывисто обнимает меня. – А я уже подумала, что с тобой что-то стряслось.

– Что со мной вообще могло случиться, если почти все ученики сейчас на вечеринке? Я просто немного прогулялась, – пытаюсь пошутить я.

– Ну, не знаю. – На ее лице вдруг отражается неуверенность. – Много чего...

– Думаю, Мэйси беспокоилась, что ты вышла из школы, – перебивает ее Лия. – Окажись ты снаружи в этом платье, сейчас была бы уже при смерти.

– Да, именно так! – Мэйси с готовностью ухватывается за этот предлог. – Мне не хотелось, чтобы ты замерзла насмерть до того, как закончится первый полный день твоего пребывания на Аляске. – Это странный ответ – ведь она отлично знает, что едва не произошло со мной минувшей ночью, и ей известно, что я так боялась быть выброшенной наружу именно потому, что не хотела замерзнуть. Но сейчас не время выяснять что к чему, а потому я просто поворачиваюсь к Лии. И говорю:

– Спасибо за все.

– Не за что. – Она ухмыляется. – Заходи как-нибудь. Мы могли бы сделать друг другу маникюр и педикюр или косметические процедуры, или заняться чем-нибудь еще.

– Хорошая идея. И мне хотелось бы, чтобы ты что-нибудь рассказала мне о своих изысканиях.

– Маникюр и педикюр? Изыскания? – переспрашивает Мэйси. Похоже, она удивлена.

Лия картинно закатывает глаза.

– Ты, разумеется, приглашена тоже. – И вдруг резко захлопывает перед нами дверь.

Честно говоря, это кажется мне странным, ведь до этого он вела себя так дружелюбно. Правда, стоило появиться Мэйси, как тон Лии стал куда резче. Но вполне возможно, что это скорее связано не со мной, а с моей двоюродной сестрой.

Мэйси шепчет:

– Поверить не могу, что Лия Танака в самом деле предложила тебе вместе делать маникюр и педикюр. И что она вообще пригласила тебя в свою комнату.

В тоне моей двоюродной сестры звучит не зависть, а только изумление и растерянность. Как будто она находит чрезвычайно странным, что у Лии и у меня может быть что-то общее.

– Это было нетрудно. – говорю я. – Она показалась мне очень милой.

– Обычно милой ее не назовешь, – замечает Мэйси, идя вместе со мной по коридору. – Она самая популярная девушка в школе и из кожи вон лезет, чтобы никто об этом не забывал. Хотя в последнее время она стала настоящей затворницей.

– Думаю, после потери своего бойфренда она имеет на это право.

У Мэйси делают большие глаза:

– Она рассказала тебе и об этом?

– Да. – Мне в голову приходит ужасная мысль: – А что, это секрет?

– Нет, просто... Я слышала, что она не любит говорить о Хадсоне. – Моя двоюродная сестра вдруг осекается и начинает смотреть куда угодно, только не на меня. И я уверена, что она отвела взгляд потому, что чувствует себя не в своей тарелке, а не потому, что старинный гобелен, на который она сейчас смотрит и который, вероятно, видела уже тысячу раз, кажется ей более интересным, чем наш разговор. Но почему ей вдруг сделалось неловко?

– Это неудивительно, ты не находишь? – отвечаю я. – И она не то чтобы рассказывала мне о нем, а просто упомянула, что он умер.

– Да. Что-то около года назад. Его смерть потрясла всю школу. – Мэйси избегает смотреть на меня, что кажется мне все более и более странным.

– Он здесь учился?

– Да, но он закончил школу за год до своей смерти. Однако это все равно здорово выбило нас из колеи.

– Еще бы. – Мне хочется спросить, как это произошло, но Мэйси явно настолько некомфортно, что было бы просто невежливо донимать ее расспросами, и я решаю закрыть эту тему.

Пару минут мы идем молча, чтобы вопрос рассосался, затем Мэйси вновь становится сама собой.

– Тебе не хочется есть? – спрашивает она. – На вечеринке ты ничего не ела.

Я хочу сказать, что не прочь подкрепиться, ведь я ничего не ела с самого утра, когда Мэйси насыпала мне в миску сладких хлопьев из своего запаса, – но, видимо, на меня снова начинает действовать горная болезнь, поскольку желудок крутит, и это определенно не к добру.

– Знаешь, наверное, я сейчас просто лягу спать. Я не очень-то хорошо себя чувствую.

На лице Мэйси отображается тревога.

– Если утром тебе не станет лучше, нам надо будет зайти к школьной медсестре. Ты находишься здесь уже больше суток, так что пора бы тебе привыкнуть к здешней высоте.

– Когда я погуглила этот вопрос, то получила ответ, что для этого нужно от двадцати четырех до сорока восьми часов. Если завтра после уроков мне так и не станет лучше, я зайду к вашей медсестре. Идет?

– Если завтра после уроков тебе не станет лучше, мой отец наверняка потащит тебя к ней сам. С тех пор как ты попросила его оставить тебя в Сан-Диего, чтобы закончить там первую четверть, он места себе не находит от беспокойства о тебе.

Похоже, между нами вот-вот опять повиснет неловкое молчание, но сейчас я этого просто не вынесу, а потому меняю тему:

– Странно, что я так устала, – говорю я. – Который сейчас час?

Мэйси смеется:

– Еще только восемь часов, королева вечеринок.

– На вечеринки я начну ходить на следующей неделе. После того как выплыву и у меня пройдет эта проклятая горная болезнь. – Я прижимаю руку к животу, вдруг ощутив острый приступ тошноты.

– Какая же я идиотка! – Мэйси закатывает глаза. – Запланировать вечеринку на первую пару дней после твоего приезда – это с моей стороны непростительная глупость. Прости меня, мне так жаль.

– Никакая ты не идиотка. Ты просто пыталась помочь мне познакомиться со здешними учениками.

– Я пыталась показать всем мою легендарную старшую кухню...

– Я старше тебя всего лишь на год.

– Старше есть старше, что, разве не так? – Она усмехается. – В общем, я пыталась как продемонстрировать всем тебя, так и помочь тебе акклиматизироваться. И не подумала о том, что тебе может понадобиться один-два дня просто для того, чтобы начать нормально дышать.

Мы доходим до нашей комнаты, и Мэйси отпирает дверь. И как раз вовремя – едва мы входим, как мой желудок восстает и я только-только успеваю добежать до ванной, где меня рвет ядовитой смесью из цветочного чая и «Доктора Пеппера».

Кажется, Аляска и правда пытается меня убить.

Глава 14

Тук-тук, кто там?

Следующие пятнадцать минут я пытаюсь извергнуть из себя все содержимое моего желудка, надеясь, что если этот медвежий угол и впрямь желает моей смерти, то она хотя бы будет быстрой.

Когда полчаса спустя тошнота наконец отпускает меня, я чувствую себя вымотанной, сильно болит голова.

– Может, мне все-таки привести к тебе медсестру? – спрашивает Мэйси, перестав ходить взад и вперед за моей спиной и вытянув руки, чтобы подхватить меня, если по пути в кровать я вдруг начну падать. – Думаю, это необходимо.

Я тяжело вздыхаю, ложась в прохладную постель.

– Давай подождем еще немного.

– Вряд ли...

– Можешь считать, что я пользуюсь привилегией старшинства. – Я натянута улыбаюсь и зарываюсь головой в подушку. – Если утром мне не полегчает, мы вызовем медсестру.

– Ты уверена, что не хочешь вызвать ее прямо сейчас? – Мэйси переминается с ноги на ногу, не зная, что делать.

– После всего того внимания, которое обрушилось на меня с момента моего приезда в эту школу? Да. Однозначно.

Видно, что она недовольна отказом, но в конце концов все-таки кивает.

Пока моя двоюродная сестра умывается и облачается в ночную рубашку, я то засыпаю, то просыпаюсь, но когда она выключает свет и ложится в кровать, на меня опять накатывает тошнота. Я пережидаю ее, стараясь не думать о том, как мне хочется, чтобы моя мама была сейчас рядом и приласкала меня, и в конце концов погружаюсь в беспокойный сон, из которого в шесть тридцать утра меня вырывает будильник. Затем кто-то выключает его звук.

Я просыпаюсь, не понимая, что происходит, и пытаюсь припомнить, где я нахожусь и чей мерзкий будильник орал мне в ухо. Затем вспоминаю все. После еще одного бегства в ванную, которое случилось около трех часов ночи – у меня опять начались рвотные позывы, хотя в моем желудке уже ничего не осталось, – тошнота наконец прошла, что очень меня радует. И все остальное, кажется, тоже пришло в норму – у меня больше не кружится и не раскалывается голова, а горло хотя и пересохло, но не болит.

Похоже, Интернет не ошибался насчет акклиматизации, занимающей от двадцати четырех до сорока восьми часов. Кажется, теперь я полностью восстановилась.

Но, сев, я обнаруживаю, что это далеко не так – каждая моя мышца ноет, словно я только что совершила восхождение на вершину Денали, а до того пробежала марафон. Я уверена, что это просто результат обезвоживания, а также напряжения, которое я испытывала весь вчерашний день, но, как бы то ни было, сейчас у меня нет настроения вставать. И не хочется делать вид, будто все хорошо, и идти на уроки.

Я снова ложусь, натягиваю одеяло на голову и пытаюсь решить, что же мне делать. Десять минут спустя я все еще лежу, теща что-нибудь придумать, когда Мэйси ворчит и просыпается.

Первым делом она хлопает по своему будильнику, чтобы снова заставить его замолчать, чему я чрезвычайно рада, поскольку для пробуждения она выбрала самый что ни на есть омерзительный звук, но тут Мэйси встает с кровати и подходит ко мне.

– Грейс? – шепчет она, словно желая узнать, как я, и в то же время боясь разбудить меня.

– Со мной все нормально, – говорю ей я. – Вот только ноют мышцы.

– Фу ты черт. Наверное, это от обезвоживания. – Она подходит к холодильнику, достает из него графин воды, наливает два стакана, дает мне один из них, затем садится на свою кровать. С минуту она пишет текстовое сообщение – надо полагать, Кэму, – затем бросает свой телефон на кровать и снова устремляет взгляд на меня. – Мне надо идти на уроки – сегодня в планах тесты по трем предметам, но я еще зайду, когда смогу, чтобы справиться о твоём самочувствии.

Мне очень нравится ее уверенность в том, что на уроки я сегодня не пойду, так что я, разумеется, не спорю. Только говорю:

– Тебе нет нужды сбиваться с ног, справляясь о моем самочувствии. Сейчас мне уже намного лучше.

– Что ж, тогда считай это днем здоровья из серии «это ж надо, меня только что занесло на Аляску».

– А что, для этого в самом деле существует день здоровья? – прикалываюсь я, сев и прислонившись спиной к стене.

Мэйси фыркает:

– Не день, а несколько месяцев. Аляска – это вам не шутки.

Теперь фыркаю уже я:

– Что верно, то верно. Я нахожусь здесь менее двух суток, но это я поняла.

– Это потому, что ты боишься волков, – поддразнивает меня моя кузина.

– И медведей, – нисколько не смутившись, добавляю я. – Как и любой здравомыслящий человек.

– Тут ты права. – Она ухмыляется: – Тебе надо денек посачковать, делая все, чего ты хочешь. Почитать книгу, посмотреть по телевизору какую-нибудь развлекуху, полакомиться чем-нибудь из моего запаса вредной еды, если ее выдержит твой желудок. Папа скажет твоим учителям, что учебу ты начнешь не сегодня, а завтра.

Черт, я даже не вспомнила про дядю Финна.

– А он не станет возражать, если я пропущу сегодняшние уроки?

– Не станет, ведь он сам это и предложил.

– А как он мог узнать, что... – Я замолкаю, услышав стук в дверь. – Кто это?

– Мой папа, кто же еще? – Мэйси подходит к двери и распахивает ее.

Вот только это вовсе не дядя Финн. Это Флинт, и, взглянув на Мэйси в ее коротенькой ночной рубашке и на меня в моем вчерашнем платье и с размазавшимся макияжем, он начинает ухмыляться до ушей.

– Как же классно вы смотрите, дамы, – он присвистывает. – Похоже, вчера вы решили поднять эту вашу вечеринку на совершенно новый уровень, да?

– Так тебе все и расскажи, – насмешливо бросает Мэйси и скрывается в ванной. Я же вообще не заморачиваюсь с ответом и просто показываю ему язык. Он смеется и вскидывает брови.

– Вот именно, мне бы очень хотелось послушать ваш рассказ, – говорит он и, подойдя к моей кровати, садится на нее. – Куда это ты сбежала? И почему?

Я решаю не выкладывать ему всего – ведь тогда мне пришлось бы попытаться объяснить мою странную реакцию на Джексона, не говоря уже обо всем том, что последовало затем, – и довольствуюсь частью правды. – Это все горная болезнь. Меня затошнило, и я вернулась к себе.

Это стирает с его лица улыбку.

– А как ты чувствуешь себя сейчас? С горной болезнью шутки плохи.

– Сейчас я уже дышу вполне нормально. Честное слово, – добавляю я, увидев сомнение на его лице. – Я почти пришла в себя. Наверное, мне просто надо было привыкнуть к горам.

– Кстати, о горах. – На лице Флинта снова появляется подкупающая улыбка. – За этим я и зашел. Сегодня вечером после ужина мы собираемся поиграть в снежки. Вот я и подумал – может, ты к нам присоединишься? Ну, если будешь хорошо себя чувствовать и все такое.

– Играть в снежки? – Я качаю головой: – Вряд ли мне стоит это делать.

– Почему?

– Потому что я даже не умею лепить снежки, не говоря уже о том, чтобы их бросать.

Он смотрит на меня так, словно я сморозила глупость.

– Надо просто набрать снега, слепить его в комок и бросить в того, кто стоит к тебе ближе всех остальных. – Он показывает руками, как это делается. – Ничего трудного.

Я смотрю на него с сомнением.

– Давай, Новенькая, попробуй. Уверю тебя, ты не пожалеешь.

– Осторожнее, Грейс, – говорит Мэйси, выйдя из ванной с полотенцем на голове. – Никогда не доверяй... – Флинт, подняв брови, поворачивается к ней, и она замолкает.

– Сегодня после уроков они будут играть в снежки, – объясняю я ей. – И он хочет, чтобы в этом поучаствовали и мы. – Вообще-то Мэйси он не приглашал, во всяком случае напрямую, но я ни за что не пойду без нее. По улыбке на ее лице я понимаю, что сделала правильный выбор.

– В самом деле? Нам надо непременно пойти, Грейс. Флинт славится своими играми в снежки.

– Все это отнюдь не повышает мою уверенность в себе, ведь я понятия не имею, что мне надо будет делать.

– Вот увидишь, тебе понравится, – хором говорят они.

На сей раз брови поднимаю уже я сама, глядя то на Флинта, то на мою кузину.

– Поверь мне, – просит Флинт. – Я о тебе позабочусь.

– Не верь ему, – возражает Мэйси. – Стоит этому малому взять в руку снежок, как он превращается в сущего дьявола. Но это вовсе не значит, что игра в снежки – это плохое развлечение.

Я по-прежнему считаю, что мне не стоит соглашаться, но, кроме Флинта и Мэйси, у меня в Кэтмире нет друзей. Кто знает, каким боком повернется ко мне Лия, а что до Джексона... Джексон многогранная личность, но другом я бы его не назвала. Если уж на то пошло, его не назовешь даже дружелюбным.

– Ну, ладно, уговорили, – с достоинством сдаюсь я. – Но если эта ваша игра в снежки прикончит меня, мой призрак будет вечно являться вам обоим.

– Уверена, что ты сможешь пережить эту забаву, – заверяет меня Мэйси.

Флинт же только подмигивает.

– А если нет, то это далеко не худший способ провести вечность.

И прежде чем я успеваю придумать достойный ответ, он наклоняется и чмокает меня в щеку.

– До скорого, Новенькая. – И, не оглядываясь, бесшумно выходит за дверь.

Я остаюсь один на один с Мэйси, которая стоит, раскрыв глаза и разинув рот, и восторженно аплодирует этому невинному поцелую. А также тому печальному факту, что, каким бы очаровательным ни был Флинт, он даже близко не вызывает во мне таких чувств, как Джексон.

Глава 15

Оказывается, ад в самом деле может замерзнуть

– Он что, действительно... – задыхаясь, бормочет Мэйси, когда Флинт закрывает за собой дверь.

– Да ладно, пустяки, – говорю я.

– Он только что... – Похоже, она не может подобрать нужное слово, поскольку вместо этого стучит себя по щеке в том самом месте, куда Флинт поцеловал меня.

– Пустяки, – повторяю я. – Ведь он поцеловал меня не в губы. Обыкновенное проявление дружелюбия, только и всего.

– Ко мне он никогда не проявлял такого дружелюбия. И к другим тоже.

– Ну, ведь у тебя уже есть бойфренд. Возможно, он боится, что Кэм надерет ему задницу.

Мэйси смеется. В самом деле смеется, что... ну, хорошо, мысль о том, что ее худой, долговязый парень действительно может надрать задницу Флинту, кажется довольно нелепой, но разве она не должна хотя бы попытаться его защитить?

– Хочешь, я с ним поговорю? – дразню ее я. – Чтобы в следующий раз он поцеловал и тебя?

– Разумеется, нет! Спасибо, но меня вполне устраивают Кэм и его поцелуи. Я просто хочу сказать, что ты нравишься Флинту. – Схватив щетку, она начинает расчесывать ею свои волосы.

Несмотря на все, в тоне ее мне слышится нечто такое, что заставляет меня прищуриться.

– погоди. Выходит, ты все-таки влюблена во Флинта?

– Разумеется, нет. Я люблю Кэма. – Она, не глядя мне в глаза, хватая какое-то средство для волос.

– Убедительно, как же. Послушай, если ты хочешь замутить с Флинтом, то разве тебе не следует расстаться с Кэмом и начать действовать?

– И вовсе я этого не хочу.

– Мэйс...

– Я говорю серьезно, Грейс. Возможно, когда-то я и была в него влюблена, но это было в девятом классе, давным-давно, и теперь это уже не важно.

– Из-за Кэма. – Я внимательно наблюдаю за ее лицом в зеркале, пока она начинает укладывать свои короткие разноцветные волосы.

– Да, потому что я люблю Кэма, – отвечает она, делая так, чтобы пряди на ее голове встали торчком. – И потому, что здесь так не бывает.

– Как не бывает?

– Ну, мы тут поделены на группы. И члены этих групп почти не общаются.

– Да, я заметила это на вечеринке. Но это же не значит, что вам нельзя общаться, не так ли? И если тебе нравится Флинт, а ты нравишься ему...

– И вовсе мне не нравится Флинт, – с тяжелым вздохом говорит она. – А я определенно не нравлюсь ему. Но если бы он даже мне нравился, это бы все равно ничего не изменило, потому что...

– Потому что он так популярен?

Она опять вздыхает и качает головой:

– Дело не только в этом.

– А в чем? – У меня возникает такое чувство, будто я попала в фильм «Дрянные девчонки», только место его действия перенесено на Аляску.

Прежде чем Мэйси успевает ответить, раздается стук в дверь.

– Интересно, сколько же человек стучится в твою дверь до семи тридцати утра? – шутливо спрашиваю я, идя открывать. Мэйси не отвечает, только усмехается и начинает накладывать макияж.

Открыв дверь, я вижу моего дядю – он с беспокойством смотрит на меня.

– Как ты себя чувствуешь? Мэйси сообщила мне, что вечером и ночью тебя рвало.

– Лучше, дядя Финн. Моя тошнота прошла и головная боль тоже.

– Ты в этом уверена? – Он делает мне знак вернуться в кровать, что я выполняю, причем, если честно, испытывая при этом некоторое облегчение. Последние две ночи я так мало спала, что сейчас чувствую себя как в тумане, хотя горная болезнь наконец-то отпустила.

– Ну, хорошо. – Он кладет ладонь мне на лоб, словно проверяя, нет ли у меня температуры.

Я хочу пошутить насчет того, что горная болезнь – это не вирус, но, когда он целует меня в макушку, у меня перехватывает дыхание. Потому что сейчас, когда он сдвинул брови и скривил рот, так что на его щеках еще четче обозначились ямочки, дядя Финн стал так похож на моего отца, что мне приходится собрать всю мою волю в кулак, чтобы не заплакать.

– Я все же думаю, что Мэйси права, – продолжает он, не замечая, насколько я вдруг пала духом. – Сегодня тебе лучше будет весь день отдыхать и приступить к занятиям только завтра. Потеря родителей, переезд, Кэтмир, Аляска – ко всему этому невозможно привыкнуть быстро, а тут еще горная болезнь.

Я киваю и отвожу взгляд, чтобы не дать ему заметить горя, отражающегося в моих глазах.

Должно быть, он понимает, каково мне сейчас, поскольку больше ничего не говорит, а только похлопывает меня по руке, после чего подходит к туалетному столику, за которым Мэйси все еще накладывает макияж.

Они начинают говорить, но голоса их звучат так тихо, что я ничего не могу расслышать, а потому просто перестаю прислушиваться и натягиваю одеяло до подбородка. И жду, чтобы мучительная тоска по моим родителям прошла.

Спать я не собиралась, но все-таки засыпаю. В следующий раз я просыпаюсь в час с чем-то и слышу, как у меня урчит в животе. Но на сей раз это вызвано тем, что в желудке уже более суток не было ничего, хоть сколько-нибудь напоминающего еду.

На холодильнике стоит банка арахисового масла и лежит упаковка крекеров, и я жадно набрасываюсь и на то, и на другое. Умяв тонну арахисового масла и целую упаковку крекеров, я наконец снова начинаю чувствовать себя человеком.

А еще я чувствую себя в этой комнате и в этой школе как в западне.

Я пытаюсь не обращать внимания на охватившее меня возбуждение, пытаюсь смотреть мои любимые сериалы на Нетфликсе, читать журнал, который не дочитала в самолете. Я даже пишу сообщение Хезер, хотя и знаю, что она сейчас в школе, – я надеюсь, что мы с ней сможем какое-то время вести переписку по телефону. Но ей удастся отправить мне только одно сообщение, в котором она пишет, что сейчас у нее контрольная по математическому анализу, так что из нашей переписки явно ничего не выйдет.

Что бы я ни пыталась делать, ничего у меня не клеится, и в конце концов я решаю просто пойти погулять. Возможно, прогулка по здешней аляскинской глуши поможет мне прочистить мозги.

Но, похоже, здесь, на севере, одно дело, решить отправиться на прогулку и совсем другое – подготовиться к ней. Я быстро принимаю душ и, поскольку я тут человек новый, гуглю, как нужно одеваться на Аляске зимой. Оказывается, что утепляться нужно очень тщательно, даже когда на дворе еще только ноябрь.

Когда я нахожу заслуживающий доверия сайт, мне становится ясно, что Мэйси не зря накупила мне столько теплых вещей. Сначала я надеваю купленные ею шерстяные лосины и мою фуфайку-безрукавку, затем добавляю еще один слой теплого белья – штаны и рубашку.

После чего натягиваю еще и флисовые штаны ярко-розового цвета (ну, конечно) и серую флисовую куртку. Сайт предлагает мне натянуть поверх нее еще одну, более теплую, но пока еще не так холодно, как будет через пару месяцев, и я решаю пропустить этот предмет гардероба и сразу перейти к шапке, шарфу, перчаткам и двум парам носок. Наконец я облачаюсь в пуховую parku, которую мне купил мой дядя, и обуваюсь в непромокаемые зимние сапоги, стоявшие внизу моего стенного шкафа.

Быстрый взгляд в зеркало говорит мне, что выгляжу я так же несуразно, как и чувствую себя.

Но у меня будет еще более несуразный вид, если в свой второй полный день на Аляске я замерзну насмерть, а потому я игнорирую это чувство. К тому же, если во время прогулки мне станет жарко, я смогу снять с себя флисовый слой одежды – во всяком случае, именно это рекомендует найденный мною сайт, поскольку здесь, на севере, пот – это твой враг. Оказывается, нахождение во влажной одежде может привести к гипотермии. Как и все остальное в этом штате.

Вместо того чтобы отправить Мэйси сообщение в то время, когда она сдает какой-то свой тест, я оставляю ей записку, в которой говорю, что собираюсь исследовать территорию школы, – мне, разумеется, хватит ума не выходить за стену в здешнюю глухомань, где водятся волки, медведи и один бог знает кто еще.

Я иду к выходу, спускаюсь по лестнице, не обращая внимания ни на кого, – правда, мне почти никто и не встречается на пути, поскольку большинство учеников и учителей сейчас на уроках. Наверное, мне следовало бы испытывать чувство вины из-за того, что сама я здесь, а не там, но, честно говоря, я чувствую только облегчение.

Спустившись на первый этаж, я выхожу наружу через первую же попавшуюся дверь – и едва не передумываю идти гулять, потому что меня тут же бьет в лицо ветер и мороз.

Возможно, мне все-таки следовало надеть тот дополнительный слой теплых одежек.

Но сейчас уже слишком поздно об этом жалеть, так что я натягиваю на голову капюшон и прячу замотанное шарфом лицо в высокий воротник parkи. И иду по двору, хотя все мои инстинкты кричат мне поскорее убраться обратно внутрь.

Но мне всегда говорили, что важные дела надо начинать и кончать в соответствии с заранее намеченным планом, и я вовсе не желаю весь остаток учебного года сидеть тут взаперти, как пленница. Лучше умереть.

Я засовываю руки в карманы и продолжаю идти.

Поначалу я чувствую себя так скверно, что могу думать только о морозе, о том, как он действует на мою кожу, хотя едва ли не каждый ее дюйм покрыт несколькими слоями теплой одежды.

Но чем дольше я иду, тем теплее мне становится, так что я ускоряю шаг и наконец-то начинаю оглядываться по сторонам. Солнце встало часа четыре назад, почти в десять утра, так что сейчас у меня впервые выдалась возможность увидеть здешнюю глухомань при свете дня.

Как же тут все красиво – даже на территории школы. Мы находимся на склоне горы, так что мне постоянно приходится идти либо вверх, либо вниз, что на этой высоте отнюдь не просто, хотя теперь мне уже стало намного легче дышать, чем два дня назад.

Сейчас, в ноябре, растений вокруг немного, но везде виднеются вечнозеленые деревья. И их зелень красиво смотрится на фоне белого снега, который устилает здесь почти все.

Мне любопытно, как это – слепить снежок, но я, конечно, не снимаю перчаток. Я нагибаюсь, беру горсть снега и пропускаю его сквозь пальцы, просто чтобы посмотреть, как он сыплется вниз. Когда он высыпается, я снова нагибаюсь, беру еще снега, затем леплю из него комок, как говорил Флинт.

Это легче, чем я думала, и через несколько секунд я уже изо всех сил швыряю получившийся снежок в ближайшее дерево, стоящее слева от развилки, которую дорожка образует

впереди. И с удовлетворением смотрю, как он ударяется о ствол и взрывается, после чего иду к левому ответвлению дорожки.

Но, подойдя к дереву, я понимаю, что еще никогда не видела ничего, подобного этим его темным, корявым корням. Огромные, серые, шишковатые, хаотически переплетенные и словно вышедшие из какого-то страшного ночного кошмара, они едва ли не кричат прохожим: «Берегись!» Добавьте к этому обломанные ветви и местами содранную со ствола кору – и кажется, что этому дереву самое место в фильме ужасов, а вовсе не на безупречно аккуратной территории Кэтмира.

Не стану скрывать – я настораживаюсь. Да, я знаю, нелепо испытывать отвращение к дереву, но чем ближе я подхожу, тем уродливее оно выглядит и тем более стремной кажется мне тропа, которую оно охраняет. И, решив, что, отправившись на прогулку, я и без того уже достаточно далеко вышла из своей зоны комфорта, я иду не налево, а направо, по дорожке, которая освещена солнцем.

Этот мой выбор оказывается удачным – за первым же поворотом я вижу несколько флигелей. Я останавливаюсь, не доходя до них, поскольку там сейчас наверняка идут занятия, и мне совсем не хочется, чтобы меня застучали, когда я буду заглядывать в окна классов, как какая-нибудь извращенка.

К тому же перед каждым таким домиком установлена табличка, на которой написано его название и указано, что в нем преподают.

Один из наиболее крупных флигелей называется Чинук, и в нем преподается изобразительное искусство. Я занимаюсь живописью с тех самых пор, когда поняла, что цветные карандаши годятся не только для раскрашивания книжек-раскрасок, и сейчас мне очень хочется подбежать ко входу, распахнуть дверь и посмотреть, что собой представляет здешняя изостудия, в которой мне предстоит работать.

Но вместо этого я достаю телефон и делаю фотографию таблички. Надо будет погуглить слово «чинук». Я знаю, что оно означает «ветер», по меньшей мере, на одном из языков коренных народов Аляски, и будет интересно выяснить на каком.

Вообще-то надо будет погуглить все непонятные слова на этих табличках, и, обходя флигели – одни побольше, другие поменьше, – я фотографирую каждую табличку, чтобы затем выяснить значение всех не известных мне слов. К тому же, думаю я, это поможет мне запомнить, где что находится, ведь я понятия не имею, в каких аудиториях преподаются предметы из моего списка.

Я немного беспокоюсь – а что, если тех предметов, занятия по которым проводятся в этих домиках, окажется слишком много? Что же мне тогда делать? Бегать каждую перемену в мою комнату, чтобы напялить на себя все эти теплые одежки? А если да, то сколько здесь, в Кэтмире, длятся перемены? Потому что шести минут – столько длилась каждая перемена в моей прежней школе – мне определенно не хватит.

Дойдя до конца ряда построек, я вижу выложенную камнями дорожку, которая, похоже, идет по территории школы, ведя к противоположной стороне замка. Меня охватывает странное чувство, похожее на то, которое я вчера вечером испытала в библиотеке: внутренний голос говорит мне, что надо повернуть назад, и я на секунду останавливаюсь.

Но я знаю, что это просто-напросто игра моего воображения, как и тогда, когда меня напугало то дерево, а потому избавляюсь от непонятного чувства и продолжаю идти вперед.

Но чем дальше я отхожу от главного здания, тем более пронизывающим становится ветер, и, чтобы не замерзнуть, я ускоряю шаг. Теперь ясно, что мне однозначно не станет жарко и можно распрощаться с мыслью об избавлении от одного из слоев одежек, как предлагал тот веб-сайт. Напротив, с каждой секундой все более и более реальной становится перспектива превратиться в ледышку.

Но я все равно не поворачиваю назад. Кажется, теперь я обошла уже более половины территории школы, а раз так, идя вперед, я скорее дойду до главного здания, чем если направлюсь назад по той же дороге, по которой пришла. И я еще плотнее обматываю шарфом лицо и продолжаю идти вперед.

Я прохожу мимо деревьев, мимо замерзшего пруда, на котором я бы с удовольствием покаталась на коньках, если бы мне удалось удержать равновесие во всех этих одежках, затем вижу еще два небольших флигеля. Табличка перед одним из них сообщает, что этот домик называется Шайла и что там находится магазин, а на табличке, прибитой над дверью второго, написано: «Танана – студия танца».

Названия этих флигелей прелестны, однако количество преподаваемых в них предметов немного удивляет меня. Не знаю, чего именно я ожидала от Кэтмира, но определенно не такого. Здесь преподаются все предметы, предлагаемые для изучения в обычной старшей школе, но сколько же тут и других, которых в государственных школах не сыщешь днем с огнем.

Надо признать, что все известные мне сведения о дорогах школах-пансионах почерпнуты из старого DVD моей матери с фильмом «Общество мертвых поэтов», который она заставляла меня смотреть вместе с нею раз в год. Но показанная в этой картине частная школа-пансион Велтон отличается от Кэтмира. В Велтоне царили сверхстрогость, сверхжесткость и сверхчванство, а в Кэтмире, похоже, наблюдается только последнее из трех.

Ветер все усиливается, и я еще больше ускоряю шаг. Дорожка проходит мимо нескольких больших деревьев – не вечнозеленых, а голых, безлистных, с ветвями, покрытыми инеем и усеянными сосульками. Я останавливаюсь, чтобы полюбоваться ими, потому что они красивы и потому что преломляемый ими солнечный свет образует на земле у моих ног пляшущие радужные пятна.

Я так очарована этой причудливой игрой света, что некоторое время готова терпеть даже ветер, поскольку именно он заставляет радужные пятна плясать. Однако в конце концов мне становится слишком холодно стоять на месте, и я, миновав деревья, выхожу к еще одному замерзшему пруду. Судя по всему, он являет собой место отдыха, поскольку вокруг него стоят скамьи, а в нескольких ярдах от дорожки возвышается увенчанная снежной шапкой беседка.

Я делаю пару шагов в ее сторону, подумав, что можно было бы посидеть в ней и минутку отдохнуть, но тут замечаю, что она уже занята: в ней сидят Лия – и Джексон.

Глава 16

Иногда, только держа своих врагов близко, можно избежать гипотермии. Вот черт!

Я дала себе слово, что, увидев Джексона в следующий раз, не стану спасаться бегством, как напуганный кролик, но сейчас определенно не лучшее время для того, чтобы толочься рядом. Ведь все в облике этих двоих так и кричит, что они говорят о чем-то очень серьезном. И, что еще важнее, о чем-то сугубо личном.

Они подались друг к другу, но их тела не соприкасаются.

Их плечи напряжены.

И каждый из них всецело поглощен тем, что говорит другой.

Мне хотелось бы оказаться к ним поближе, хотелось бы услышать, о чем идет речь, хотя это совершенно не мое дело. Очевидно одно – если у людей такой напряженный и сердитый вид, как у этих двоих, у них определенно есть какая-то проблема, и я бы погрешила против истины, если бы сказала, что не хочу знать, в чем она состоит.

Не понимаю, почему это кажется мне таким важным – возможно, потому, что в их ссоре чувствуется какая-то интимность, от которой у меня начинает болеть живот. Что нелепо, ведь Джексон едва мне знаком. К тому же во время двух из наших четырех встреч он прошел мимо меня так, будто я вообще не существую.

Это уже само по себе недвусмысленный намек на то, что он не желает иметь со мной никаких дел.

Вот только я все время вспоминаю выражение его лица, когда он отогнал от меня Марка и Куинна в ту первую ночь. И то, как расширились его зрачки, когда он дотронулся до моего лица и вытер каплю крови с моих губ.

Когда его тело касалось моего, все мое естество замирало, ожидая возможности возродиться, ожить.

Тогда у меня не было такого чувства, будто мы с ним чужие.

Наверное, именно поэтому я и продолжаю наблюдать за ним и Лией, вопреки голосу рассудка.

Теперь они ругаются так ожесточенно, что я могу слышать их возбужденные, громкие голоса, хотя от меня до них далеко. Я не могу расслышать их слов, но мне это и не нужно – мне и так понятно, насколько они оба взбешены.

И тут Лия замахивается и бьет Джексона ладонью по той щеке, которую пересекает шрам, бьет с такой силой, что его голова дергается назад. Он не дает ей сдачи, собственно, он не делает ничего, пока ее рука не приближается к его лицу опять.

На сей раз он перехватывает ее запястье и крепко сжимает его, а она пытается вырвать руку. Теперь она вопит во все горло – звучащие в ее воплях ярость и душевная боль пронзают меня, и на глазах моих выступают слезы.

Я хорошо знаю эти звуки. Знаю порождающую их боль и ярость, из-за которой их бывает невозможно сдержать. Они исходят из самых глубин твоей души и рвут ее в клочья.

Я инстинктивно делаю шаг в сторону Лии, меня тянет к ней и эта ее боль, и чувствующийся в их перепалке надрыв. Но тут ветер усиливается, и они оба вдруг поворачиваются, взвзывают на меня, и от стеклянного взгляда их темных глаз меня пробирает дрожь. Они смотрят на меня так, словно они хищники, а я добыча, и им не терпится вонзить в меня клыки.

Я говорю себе, что нервничаю без причин, но все равно испытываю странное чувство, когда машу им рукой. Вчера мне казалось, что мы с Лией можем подружиться – особенно после того, как она пригласила меня заходить к ней, чтобы вместе делать маникюр и педикюр, – но

очевидно, что в том, что происходит сейчас между Джексоном и ею, нет ни капли дружеских чувств. И хорошо, думаю я, ведь мне совсем не хочется вступать в ссору двух человек, между которыми явно что-то было. Но я также не хочу оставлять их наедине друг с другом, раз уж Лия распалилась настолько, что ударила своего собеседника, а он, защищаясь, схватил ее за руку.

Я не знаю, что предпринять, и просто смущенно смотрю на них, а они – на меня.

Когда Джексон отпускает запястье Лии и делает пару шагов в мою сторону, на меня вдруг накатывает такой же панический страх, как вчера, на вечеринке. И та странная завороченность, которая с самого начала всякий раз нападала на меня при встрече с ним. Не знаю, что в нем есть такого, но всякий раз, когда я вижу его, меня начинает тянуть к нему, хотя я не в силах понять почему.

Он приближается ко мне, и мое сердце начинает неистово биться.

Однако я не отступаю. Один раз я уже бежала от Джексона, но больше не стану.

Но тут Лия вдруг хватается за его руку и тянет назад. Опасные огоньки в ее глазах гаснут (правда, в его глазах они остаются), и она радостно машет мне рукой:

– Привет, Грейс! Давай к нам.

Ну нет, благодарю покорно. Ни за что. Ведь все мои инстинкты кричат мне, чтобы я бежала отсюда со всех ног, хотя я не знаю почему.

И вместо того чтобы идти к ним, я опять машу ей рукой и кричу:

– Вообще-то мне надо вернуться в комнату, пока Мэйси не начала разыскивать меня опять. Я просто хотела немного исследовать кампус, прежде чем завтра у меня возобновится учеба. Хорошего дня!

Последнее пожелание – это явный перебор, ведь оба они взбешены, но, нервничая, я всегда либо теряю дар речи, либо начинаю нести всякую чушь, так что сейчас у меня получилось не так уж и плохо. Во всяком случае, именно так говорю я себе, когда поворачиваюсь и иду прочь – так быстро, как только могу.

Каждый шаг требует от меня выдержки, ведь мне приходится заставлять себя не оглядываться через плечо, не проверять, смотрит ли на меня Джексон или нет. Ощущение мурашек на затылке говорит мне, что сейчас он глядит мне вслед, но я пытаюсь не обращать на это внимания.

Как и на странное чувство, которое возникает у меня всякий раз, когда я вижу его. Я уверяю себя, что это пустяки, что это ничего не значит. Что я ни за что не влюблюсь в парня, в котором столько заморочек.

Но мне все равно ужасно хочется оглянуться – до того момента, когда Джексон вдруг оказывается рядом со мной. В его глазах светится интерес, а волосы развеваются на ветру.

– Зачем тебе так спешить? – спрашивает он, преградив мне путь и пятясь, так что я вынуждена замедлить шаг, чтобы не врезаться в него.

– Да так. – Я опускаю взгляд, чтобы не смотреть ему в глаза. – Мне холодно, я замерзла.

– Так каков твой ответ? «Да так»? – Он останавливается, вынудив меня сделать то же самое, затем, одним пальцем подняв мой подбородок, все-таки заставляет меня взглянуть ему в глаза. И улыбается кривой улыбкой, от которой у меня замирает сердце, – собственно, именно поэтому я так и старалась не смотреть на него. Особенно после того, как только что наблюдала такую бешеную ссору между ним и Лией. – Или хочешь сказать, что ты правда дико замерзла?

Если приглядеться, можно все еще различить след ее ладони на его прочерченной шрамом щеке. Это бесит меня, хотя и не должно бы, если учесть, что я едва знаю этого парня. А потому я делаю шаг в сторону и говорю:

– Я замерзла. Так что извини, но мне нужно идти.

– На тебе столько всего надето, – замечает он, тем самым подтвердив, что я выгляжу так же несуразно, как чувствую себя, и снова преграждает мне путь. – Ты уверена, что замерзла и что это не отговорка?

– Мне нет нужды искать отговорок. – Однако именно это я и делаю – ищу отговорок и пытаюсь убежать от того, что я только что наблюдала. И от всех тех чувств, которые он будит во мне, хотя на самом деле мне хочется одного – обнять его крепко-крепко и не отпускать. Это нелепое чувство, нелепая мысль, но от этого слова не становятся менее реальными.

Он склоняет голову набок, вскидывает одну бровь – и мое сердце начинает биться еще чаще.

– Да ну? В самом деле?

Вот тут-то мне и следует опять начать двигаться вперед. Следует сделать что угодно, лишь бы это не выглядело так, будто я вешаюсь ему на шею. Но я не сдвигаюсь с места.

Не потому, что Джексон преграждает мне путь, хотя именно это он и делает, а потому, что все мое естество неудержимо влечет к нему. В том числе и к исходящей от него опасности. Особенно к опасности, хотя прежде я была не из тех девушек, которые рискуют просто ради острых ощущений.

Возможно, поэтому-то, вместо того чтобы обойти его и побежать к замку, что было бы правильно, я смотрю ему прямо в глаза и говорю:

– Да, в самом деле. Потому что я тебе не подчиняюсь.

Он смеется. И это самый наглый и надменный смех, который мне когда-либо приходилось слышать.

– Мне подчиняются все... в конечном итоге.

О боже! Какой козел!

Я картинно закатываю глаза, обхожу его сбоку и иду по дорожке, выпрямив спину и ускоряя шаг, – по идее, это должно показать ему, что я не желаю, чтобы он шел за мной. Потому что, когда он говорит такие вещи, мне становится неважно, что меня влечет к этому парню. Зачем тратить время на человека, который возомнил, что своим существованием он всех осчастливил?

Однако, похоже, Джексон умеет понимать язык тела не так хорошо, как я полагала, или же ему просто-напросто пополам. Как бы то ни было, он не отваливает, как ожидала я, а идет рядом со мной, не отставая, как бы быстро я ни заставляла себя идти.

Это достает и само по себе, а тут еще и эта мерзкая самодовольная ухмылка, которой он даже не пытается скрыть. И взгляд искоса, за которым следуют слова:

– Ближко общаясь с Флинтом Монтгомери, ты слишком высовываешься. Лезешь на рожон.

Я игнорирую его и иду дальше, просто иду дальше.

Не дождавшись моего ответа, он продолжает:

– Дружба с дра... – Он вдруг осекается и прочищает горло. – Дружба с таким малым, как Флинт, это...

– Что? – набрасываюсь на него я, вне себя от злости. – Дружба с Флинтом – это что? О чем ты?

– Это все равно что намалевать у себя на спине мишень, – отвечает он, немного ошарашенный моим гневом. – Ближко общаясь с Флинтом, ты не сможешь оставаться в тени.

– Да ну? А что же тогда могло бы означать близкое общение с тобой?

Его лицо утрачивает всякое выражение, и какое-то время я думаю, что он не станет отвечать. Но в конце концов он говорит:

– Это была бы полнейшая, совершеннейшая глупость.

Это не тот ответ, которого я ожидала, особенно от такого высокомерного и вредного типа, как он. Но его откровенность и прямота обезоруживают меня, и, хотя до этого мне казалось, что тут нечего говорить, я отвечаю:

– И все же ты здесь.

– Да. – Его темные задумчивые глаза всматриваются в мое лицо. – Я здесь.

Между нами повисает молчание – тяжелое, опасное, полное скрытых смыслов и напряженное, словно натянутый под цирковым куполом канат.

Мне надо уйти.

Ему надо уйти.

Но мы оба застыли и не сдвигаемся с места. И, быть может, я сейчас даже не дышу.

Наконец Джексон шевелится, хотя напряжение это не разряжает, и делает шаг ко мне. Потом еще, еще, пока между нами не остаются только мои объемистые одежки и тончайший слой воздуха.

По спине у меня бегают мурашки – не от холода, а от того, что Джексон сейчас так близко.

Мое сердце стучит часто и гулко.

Голова идет кругом.

Во рту сухо, как в пустыне.

Состояние остальных частей моего тела не лучше... особенно когда Джексон берет мою руку в перчатке и большим пальцем гладит мою ладонь.

– О чем вы с Флинтом говорили? – спрашивает он, секунду помолчав. – На вечеринке?

– Я не помню, честно. – Это звучит как уход от ответа, но это чистая правда. Когда Джексон прикасается ко мне, я с трудом могу припомнить даже мое собственное имя.

Он не ставит мои слова под сомнение, но уголки его губ приподнимаются в на редкость самодовольной улыбке.

– Вот и хорошо, – шепчет он.

Эта его самодовольная ухмылка почему-то помогает мне успокоиться – наконец-то, – и теперь уже моя очередь задать вопрос:

– А о чем ругались вы с Лией?

Не знаю, чего я ожидала – возможно, что сейчас у него снова сделаются стеклянные глаза или он скажет, что это не мое дело. Но вместо этого Джексон отвечает:

– О моем брате. – И его тон говорит, что он не просит сочувствия и не потерпит его.

Я ожидала не такого ответа, но тут те немногочисленные фрагменты информации, которые у меня есть, складываются в цельную картину, и у меня падает сердце.

– Хадсон... был твоим братом?

Сейчас я впервые вижу в его глазах неподдельное удивление.

– Кто рассказал тебе про Хадсона?

– Лия. Вчера, когда мы с ней пили чай. Она сказала, что... – Я осекаюсь, видя ледяной холод в его глазах.

– Что именно она рассказала тебе? – Он произносит это пугающе тихо.

Я сглатываю и быстро заканчиваю:

– Только одно – что ее бойфренд умер. О тебе она ничего не говорила. Я просто предположила, что ее бойфренд может быть...

– Моим братом? Да, Хадсон был моим братом. – Тон у него сейчас ледяной, полагаю, это нужно ему для того, чтобы не показать мне, какую боль эти слова вызывают в его душе. Но я тоже пережила утрату и уже несколько недель пытаюсь делать то же самое, так что ему меня не обмануть.

– Мне так жаль, – говорю я и беру его за руку. – Я знаю, словами твоему горю не поможешь, но мне правда очень жаль, что ты так страдаешь.

Несколько долгих секунд он молчит и смотрит на меня этими своими темными глазами, которые видят так много и показывают так мало. Наконец, когда я начинаю думать, что еще тут можно добавить, он спрашивает:

– Почему ты полагаешь, что я страдаю?

– А разве нет?

Опять долгое молчание. Затем он отвечает:

– Не знаю.

Я качаю головой:

– Я не понимаю, что ты хочешь этим сказать.

Он тоже качает головой, пятится, отступает на пару футов назад. Теперь моя рука сжимает пустоту.

– Мне нужно идти.

– Подожди. – Я знаю, что мне не стоит этого делать, но все равно опять беру его за руку. – Что, ты уйдешь просто так?

Он позволяет мне держать его руку одну секунду, две. Затем поворачивается и идет к пруду таким быстрым шагом, что это больше похоже на бег.

Я даже не пытаюсь догнать его. За последнюю пару дней я уяснила, что, когда Джексон Вега хочет исчезнуть, он исчезает и мне не под силу этому помешать. Так что я поворачиваюсь в другую сторону и иду к замку.

Теперь, когда я точно знаю, куда направляюсь, путь кажется мне куда короче, чем вначале, когда я блуждала по кампусу школы. Но меня не оставляет неприятное чувство – мне чудится, что за мной следят. Что, разумеется, полная чушь – ведь Джексон двинулся в другую сторону, а Лия ушла из беседки сразу после их перепалки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.